

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Метафора с семантикой снега в русских поэтических текстах XIX–XX веков»

Студент

Н.А. Болотских

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

кандидат педагогических наук, доцент, М.Г. Соколова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация бакалаврской работы

Выпускная работа бакалавра Болотских Надежды Алексеевны выполнена на тему «Метафора с семантикой снега в русских поэтических текстах XIX–XX веков». Объект исследования составили поэтические тексты различных хронологических периодов русской поэзии XIX–XX вв. (произведения А.А. Ахматовой, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, С.А. Есенина, В. Лунина, Н.А. Некрасова, Б.Л. Пастернака, Д.С. Самойлова, Ф.И. Тютчева и других поэтов). Предметом исследования выступили особенности функционирования метафор семантической сферы «Снег» в творчестве данных поэтов.

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы определить виды метафор с семантикой снега в русской лирике XIX–XX веков в аспекте типологии метафорических переносов и проследить динамику развития отдельных групп метафор.

Основные решаемые задачи. В бакалаврской работе обобщены существующие в современной лингвистике подходы к изучению языковой метафоры; на основе анализа лингвистической литературы охарактеризована теория знаковой структуры метафоры; систематизированы различные точки зрения на проблему классификации метафоры; при помощи метода сплошной выборки отобраны из поэтических текстов XIX–XX вв. примеры употребления метафоры с компонентами семантической сферы «Снег»; классифицированы отобранные метафоры по типам регулярных и нерегулярных переносов и характеру ассоциативных отношений; определена роль данных метафор в творчестве рассматриваемых русских поэтов; показаны особенности функционирования метафор «снег – ткань», «снег – предмет быта/изделия из ткани», «снег – одежда» и «снег – растение» в хронологическом аспекте.

Бакалаврская работа имеет введение, две главы, заключение, список использованной литературы. Во введении обоснованы актуальность работы,

цели и задачи исследования, определен материал выпускной квалификационной работы, обозначены методы работы, указаны положения, вынесенные на защиту, и другие необходимые составляющие вводной части работы. Первая глава имеет обзорно-реферативный характер, она составляет необходимую теоретическую базу работы, содержит анализ источников и отражает историю освещения обозначенной проблемы. Вторая глава посвящена доказательству положений, представленных для защиты. В этой главе сосредоточена практическая часть исследования, она содержит самостоятельные наблюдения автора работы. Заключение обобщает результаты проделанного исследования. Список использованных источников составляет 66 единиц. Общий объем выпускной квалификационной работы составляет 68 страниц машинописного текста.

Основные результаты исследования. Значимость исследования состоит в том, что удалось сравнить существующие подходы к изучению языковой метафоры в лингвистической литературе; выявлены компоненты с семантикой снега в составе структуры метафор в русских поэтических текстах; выявлены новые тематические группы метафор с семантикой снега, не зафиксированные в «Словаре поэтических образов...» Н.В. Павлович; представлены семантические связи компонентов с семантикой снега в составе метафор в виде денотативного и метафорического кругов и т.д.

Материалы исследования получили апробацию в виде докладов и публикаций на следующих конференциях: Всероссийская научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество» (2019 г. ТГУ, г. Тольятти); VII научно-практическая конференция «Студенческие дни науки в ТГУ» (2020 г. ТГУ, г. Тольятти); в виде подготовки научной статьи в сборнике материалов всероссийской научно-практической конференции, с международным участием для молодых ученых (декабрь 2018 г., РИЦ БашГУ, г. Уфа).

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Характеристика проблемы языковой метафоры в лингвистической литературе.....	11
1.1 Определения метафоры. Знаковая структура метафоры	11
1.2 Современные лингвистические теории исследования метафоры.....	19
1.3 Классификация метафор по основному и вспомогательному субъектам (по формулам переноса)	25
Глава 2 Особенности функционирования метафоры семантической сферы «Снег» в русской лирике XIX–XX веков.....	33
2.1 Типы регулярных метафорических переносов с участием компонентов семантической сферы «Снег».....	33
2.2 Группы метафор семантической сферы «Снег» по характеру ассоциаций.....	49
2.3 Развитие мотивационных рядов метафор семантической сферы «Снег» в русской лирике XIX–XX веков	57
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

В данной работе рассматривается проблема функционирования языковой метафоры с компонентом «снег» в поэтическом тексте.

Актуальность исследования определена частотностью реализаций метафоры с семантикой снега в поэтических текстах разных авторов, значимостью метафорического образа снега в русской поэтической картине мира, в которой данный образ репрезентирует не только зимний пейзаж, но и особенности внутреннего мира лирического героя.

Степень **научной разработанности** проблемы. Проблема изучения языковой метафоры исследовалась в работах таких лингвистов, как Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1990], Л.А. Брусенская [Брусенская 2005], М. Джонсон и Д. Лакофф [Лакофф 2004], А.А. Масленникова [Масленникова 2006], В.П. Москвин [Москвин 2006], Г.Н. Складеревская [Складеревская 1993]. В данных трудах исследовались следующие аспекты обозначенной проблемы:

- типология метафоры и ее функции: Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1990], В.Г. Гак [Гак 1998], Ю.И. Левин [Левин 1965];
- типы метафорических переносов и особенности метафорического поля: Г.Н. Складеревская [Складеревская 1993], В.П. Москвин [Москвин 2006];
- обоснование концепций языковой метафоры: А.В. Боровкова [Боровкова 2015], М. Блэк [Блэк 1990], Д. Девидсон [Дэвидсон 1990], Э. Маккормак [Маккормак 1990].

Несмотря на многостороннее изучение особенностей языковой метафоры, систематизация и описание метафоры с семантикой снега в русской лирике не становились предметом отдельных лингвистических исследований.

Объект исследования – поэтические тексты различных хронологических периодов русской поэзии XIX–XX веков (произведения Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, В.Я. Брюсова,

И.А. Бунина, С.А. Есенина, В. Лунина, Б.Л. Пастернака, Д.С. Самойлова и других поэтов).

Предмет исследования – особенности функционирования метафор семантической сферы «Снег» в творчестве данных поэтов.

Цель бакалаврской работы – определить виды метафор с семантикой снега в русской лирике XIX–XX веков в аспекте типологии метафорических переносов и проследить динамику развития отдельных групп метафор.

Для реализации поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1) обобщить существующие в современной лингвистике подходы к изучению языковой метафоры;

2) на основе анализа лингвистической литературы охарактеризовать теорию знаковой структуры метафоры;

3) обобщить различные точки зрения на проблему классификации метафоры по различным основаниям;

3) при помощи метода сплошной выборки отобрать из поэтических текстов XIX–XX веков примеры употребления метафоры с компонентами семантической сферы «Снег»;

4) классифицировать отобранные метафоры по типам регулярных и нерегулярных переносов и характеру ассоциативных отношений;

5) определить роль данных метафор в творчестве рассматриваемых русских поэтов;

6) показать особенности функционирования метафор «снег – ткань», «снег – предмет быта/изделия из ткани», «снег – одежда» и «снег – растение» в хронологическом аспекте.

Для решения поставленных задач были использованы различные **методы исследования**. Метод анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал по обозначенной проблеме и сделаны обобщения по проблеме исследования. На основе метода сплошной выборки осуществлялся сбор фактического материала. При анализе фактического материала применялся описательный метод, включающий в

себя наблюдение, приемы обобщения, систематизацию и классификацию по различным признакам, приемы контекстуального, компонентного и мотивационного анализа.

Материалом для исследования послужили следующие источники: Ахматова А.А. «Стихотворения» [Ахматова 1977], Белый А. «Симфония №4 Кубок метелей» [Белый 2018], Блок А.А. «Лирика» [Блок 1964], Бродский И.А. «Уrania. Стихотворения» [Бродский 2017], Брюсов В.Я. «Стихотворения» [Брюсов 1989], Бунин И.А. «Собрание сочинений в шести томах. Том первый» [Бунин 1987], Вяземский П.А. «Стихотворения. Книга первая» [Вяземский 2012], Державин Г.Р. «Стихотворения в двух книгах. Книга первая» [Державин 2016], Есенин С.А. «Сочинения» [Есенин 1991], Лунин В. «Музыка: стихи» [Лунин 1991], Некрасов Н.А. «Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах. Том второй: Стихотворения 1855–1866» [Некрасов 1981], Пастернак Б.Л. «Стихотворения» [Пастернак 1990], Поплавский Б.Ю. «Сочинения» [Поплавский 1999], Самойлов Д.С. «Избранное: Стихотворения и поэмы» [Самойлов 1980], Случевский К.К. «Стихотворения и поэмы» [Случевский 2004], Тютчев Ф.И. «Стихотворения» [Тютчев 1976], Цветков А.П. «Все это или это все: собрание стихотворений в двух томах. Том второй» [Цветков 2015], Черный С. «Стихотворения» [Черный 2018], Шаламов В. «Сборник: Точка кипения» [Шаламов 1977], а также «Словарь поэтических образов» Павлович Н.В. [Павлович 2007].

В результате анализа текстов данных произведений нами было выявлено 206 метафорических номинаций с компонентами семантической сферы «Снег». Из них 131 метафора отобрана из «Словаря поэтических образов...» Н.В. Павлович [Павлович 2007], 75 метафор с семантикой снега – из поэтических текстов поэтов XIX–XX веков.

В работе использованы ссылки на фундаментальные труды Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], Л.А. Брусенской [Брусенская 2005], М. Джонсона и Д. Лакоффа [Лакофф 2004], В.П. Москвина [Москвин 2006],

Г.Н. Складневской [Складневская 1993], Н.А. Кожевниковой [Кожевникова 2009].

В ходе исследования мы обратились к следующим словарям: Абрамов Н.А. «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» [Абрамов 1999], Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах» [Даль 2010], Ефремова Т.Ф. «Новый словарь русского языка» [Ефремова 2000], Жеребило Т.В. «Словарь лингвистических терминов» [Жеребило 2010], Кузнецов С.А. «Большой толковый словарь русского языка» [Кузнецов 2000], Ожегов С.И. «Толковый словарь русского языка» [Ожегов 2006], Павлович Н.В. «Словарь поэтических образов» [Павлович 2007], Розенталь Д.Э. «Словарь-справочник лингвистических терминов» [Розенталь 1985], Сковородников А.П. «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» [Сковородников 2011], Ушаков Д.Н. «Большой толковый словарь русского языка» [Ушаков 2017].

Положения, выносимые на защиту:

1. Классификация метафор по формулам регулярных и нерегулярных метафорических переносов предполагает выявление тематических групп метафор, объединенных общностью модели семантического переноса, отражающих метафорическую картину мира.

2. Одним из значимых компонентов русской поэтической картины мира является семантическая сфера «Снег», представленная большим количеством метафор с компонентами соответствующей семантики, которые можно рассматривать и как источник метафоры для обозначения другого объекта, и как объект метафорической номинации.

3. В поэтических текстах используются многообразные типы регулярных и нерегулярных метафорических переносов, образующих метафоры с семантикой снега, которые в целом являются средством образной номинации трех предметных областей: русская зима; мира цветущих растений; чувства между мужчиной и женщиной.

4. Изучение типологии метафорических переносов позволяет установить, как в русской поэзии происходит пополнение семантической сферы «Снег»: с помощью каких образов описывается снег как предмет поэтического изображения, какие предметы действительности становятся объектом сопоставления со снегом.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе удалось:

1) сравнить существующие подходы к изучению языковой метафоры в лингвистической литературе;

2) выявить компоненты с семантикой снега в составе структуры метафор в русских поэтических текстах;

3) определить состав тематических групп обозначенных метафор по типам регулярных и нерегулярных метафорических переносов;

4) выявить новые тематические группы метафор с семантикой снега, не зафиксированные в «Словаре поэтических образов...» Н.В. Павлович;

5) представить семантические связи компонентов с семантикой снега в составе метафор в виде денотативного и метафорического кругов;

6) установить предметные реалии, которые получили поэтическую репрезентацию с помощью метафоры снега.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты позволят углубить представления о параметрах классификации языковой метафоры; найти широкое применение при подготовке лекционных и практических занятий для студентов высших учебных заведений направления подготовки «Филология».

Апробация исследования осуществлялась:

– в виде докладов и публикаций на следующих конференциях:

Типы регулярных метафорических переносов «растение – снег» в русской поэзии // Сборник материалов Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество», Тольяттинский государственный университет, 5 декабря 2019 г. Тольятти:

Изд-во ТГУ, 2019 (в печати); Метафора с семантикой снега в русских поэтических текстах XIX–XX веков // Сборник материалов VII научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ», Тольяттинский государственный университет, 17 апреля 2020 г. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2020 (в печати);

– в виде подготовки научных статей: Метафора снега в русской поэтической картине мира // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием для молодых ученых, 6-7 декабря 2018 г. / Отв. ред. Р.Р. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 268 с.

Структура бакалаврской работы отражает логику исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы, который насчитывает 66 источников.

Во **введении** формулируются актуальность исследования, объект и предмет, цель и задачи исследования, определяется методология исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, выносятся положения на защиту.

В **первой** главе «Характеристика проблемы языковой метафоры в лингвистической литературе» дается определение метафоры, освещаются современные лингвистические теории исследования метафоры, рассматривается классификация языковых метафор по формулам переноса и раскрывается понятие «знаковая структура метафоры».

Во **второй** главе «Особенности функционирования метафоры семантической сферы «Снег» в русской лирике XIX–XX веков» представлена тематическая классификация метафор с семантикой снега по типам метафорических переносов, по характеру ассоциаций, образующих данные метафоры; прослеживается развитие отдельных мотивационных рядов метафор семантической сферы «Снег» в русской лирике XIX–XX веков.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

Глава 1 Характеристика проблемы языковой метафоры в лингвистической литературе

1.1 Определения метафоры. Знаковая структура метафоры

Проблема изучения языковой метафоры становилась предметом рассмотрения в лингвистических работах Н.Д. Арутюновой, представившей типы языковой метафоры [Арутюнова 1990], Лакоффа и Джонса, которые являлись основоположниками теории концептуальной метафоры [Лакофф 2004], Е.М. Масленниковой, обозначившей пути грамматической метафоризации [Масленникова 2006], а также В.П. Москвина [Москвин 2006], Г.Н. Складневской [Складневская 1993], разрабатывавших семиотическую теорию языковой метафоры и проблему метафорического поля. В своей работе Э. Ортони объясняет причины использования метафоры в повседневной жизни [Ортони 1990], а Р. Хоффман определяет сферы применения метафоры [Цит. по: Арутюнова 1990].

Впервые теоретическое осмысление явления метафоры было представлено в риторике, где метафора рассматривалась как перенос свойств одного предмета на другой. Определение термина «метафора» было сформулировано Аристотелем: «метафора – это приложение к одной вещи имени, принадлежащего другой. Мы можем приложить (а) имя рода к элементу рода, или (б) имя элемента рода приложить к роду, или (в) имя одного элемента рода приложить к другому элементу того же рода, или (г) перенос может основываться на пропорции» [Цит. по: Елоева 2014]. Основной задачей подобного переноса является усиление выразительности речи.

Позднее проблема метафоры от риторики перешла в лингвистику, где представлялась как скрытое сравнение. Отсюда возникает сравнительная концепция метафоры, в которой она трактовалась как изобразительное переосмысление обычного наименования. Несмотря на то, что начало

изучения метафоры было положено еще в античные времена, только в XX веке метафора стала самостоятельным объектом изучения в различных дисциплинах – лингвистике, философии, психологии и других.

Важным фактором в развитии языка является языковая метафора. Именно она лежит в основе развития синонимических средств, появления новых лексических значений, развития эмоционально-окрашенной лексики, а также позволяет описать внутренний мир человека. Например, когда человека называют *бараном*, ему приписывают такие качества, как простоватость и упрямство, характерные для этого класса животных. Тем самым раскрывается сущность человека, а слово «баран» приобретает образное значение «упрямый, простой» [Устуньер 2004].

Р. Хоффман писал, что метафора как «орудие описания и объяснения» может применяться в самых различных сферах жизнедеятельности человека, будь то психотерапевтическая беседа или язык программирования. «Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний языка», – утверждал исследователь [Цит. по: Арутюнова 1990].

Английским ученым Э. Ортони были выделены три основные причины, которые объясняют использование метафоры в повседневной жизни:

- метафоры позволяют нам говорить кратко;
- они обогащают нашу речь, делая ее ярче;
- они позволяют выражать невыразимое [Ортони 1990: 219].

Отношение к метафоре с момента ее появления было не однозначным. На протяжении долгого времени оно было даже негативным. Например, Цицерон видел в метафоре мощное оружие риторики, однако он обращал внимание на сдержанное ее употребление. Вместе с Квинтилианом Цицерон подчеркивал, что «метафора лишь «красивая одежда для слов», не являющаяся необходимой, а по тому менее достойная, чем простая речь» [Зубкова 2010].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой рассматриваемое понятие осмысливается следующим образом: «метафора, -ы, ж. 1. Вид тропа – скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета другому. В лингвистике: переносное употребление слова» [Ожегов 2006: 368].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило содержится следующее определение данного термина: «метафора – перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства. С точки зрения стилистической окраски и использования в языке метафоры делятся на три группы: 1) утратившие образность: *ручка двери*; 2) сохраняющие в языке образность: *бисерный почерк*; 3) авторские, индивидуально стилистические метафоры: *Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года* (П.)» [Жеребило 2010: 192].

А.П. Сковородников в словаре выразительных средств под термином «метафора» понимает «способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии (*обручальное кольцо – кольцо блокады*)» [Сковородников 2011: 176].

В.П. Москвин в книге «Русская метафора. Очерк семиотической теории» отмечает, что объем и содержание термина «метафорический перенос» зависит от плана содержания и плана выражения знака. При обращении к содержательной стороне слов термин «метафора» рассматривается в узком и широком значениях. В узком понимании метафора – перенос по сходству. Наличие общего признака между переносным и прямым значением слова позволяет отличить метафору от метонимии¹ [Москвин 2006: 18]. В широком понимании – метафора это наименование, представляющее собой «более краткое сравнение», скрытое сравнение, которое соотносится с компаративной конструкцией. Если рассматривать термин «метафора» через план выражения слова, то он приравнивается к термину «звуковая метафора», которая основывается на переносе по

¹ Метонимия – вид тропа, словосочетание, в котором одно слово заменяется другим, обозначающим предмет, находящийся в той или иной связи с предметом, который обозначается заменяемым словом.

звуковому сходству имён (*Чудь начудила, да Меря намерила...*(Блок)) [Москвин 2006: 12].

Помимо филологического направления, термин «метафора» используется в психотерапевтической сфере, где под метафорой подразумевается легенда, волшебная сказка, пословица и другие, которые используются при приеме гипнотического воздействия – библиотерапии [Москвин 2006: 14].

Г.Н. Складаревская, исходя из современного понимания языковой метафоры как вторичной косвенной номинации, сохраняющей свою семантическую двуплановость и образный элемент, обращает внимание на двустороннее толкование данного понятия [Складаревская 1993: 12]. С одной стороны, метафора находится в «одном ряду с тропом (по наличию образности), и при этом появляется необходимость найти критерии размежевания языковой метафоры и тропа по лингвистическим признакам, с другой стороны, языковая метафора включает в себя метафору как образное языковое средство в лексико-семантической системе языка, являющееся одним из лексических разрядов, который соотносится и противопоставляется другим лексическим разрядам» [Складаревская 1993: 12].

Итак, в лингвистической литературе термин «метафора» имеет три значения:

- метафора – слово с переносным значением;
- метафора – один из тропов наряду с оксюмороном, метонимией и другими;
- метафора – любое выражение с переносным смыслом (пословицы, притчи и так далее).

Метафора, являясь одним из основных средств художественной выразительности, включает в свою структуру: выразительную, лексико-семантическую и описательную составляющую. Выразительный компонент состоит из эмоций, авторской мысли и экспрессии. В описательную составляющую входит сатира, ирония, описание характера и

изобразительность. Если сравнивать такие тропы, как литота и метафора, то метафора не имеет четкой логико-грамматической формы [Сурков 1962: 23]. Метафора – один из основополагающих способов построения образной системы, сюжета, одно из необходимых средств, при помощи которого выполняется передача авторской мысли.

В современной лингвистической теории метафоры важной проблемой является разработка типологии метафоры. Известные типологии языковой метафоры объединяют либо образную (не утратившую семантическую двуплановость) и генетическую метафору (типологии Н.Д. Арутюновой и В.Г. Гака), либо общеупотребительную языковую метафору и поэтическую (индивидуальную), как в типологии Ю.И. Левина [Скляревская 1993: 29].

Так, Н.Д. Арутюнова на основе функциональных типов языковой метафоры выделяет: 1) номинативную метафору; 2) образную; 3) когнитивную; 4) генерализующую (как конечный результат когнитивной метафоры) [Арутюнова 1979: 168].

Типология В.Г. Гака выстраивается «по характеру семантических процессов, возникающих при метафоризации, разделяется на две группы: 1) полный метафорический перенос; 2) частичный метафорический перенос (*зубец вилки*). Полный метафорический перенос включает в себя двустороннюю метафору (*голова – котелок*), одностороннюю семасиологическую метафору (*ножка стула*) и одностороннюю ономасиологическую метафору (*вольтить*)» [Гак 1998: 458–461].

Ю.И. Левин разрабатывает типологию по способу реализации компаративного элемента, выделяя: 1) метафоры-сравнения (*колоннада роши*); 2) метафоры-загадки (*клавиши – булыжники*); 3) метафоры, приписывающие объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд*) [Левин 1965: 293].

В других работах ученые лингвисты признают обособленность языковой и художественной метафоры и рассматривают их как разные объекты семасиологического и стилистического исследований.

Ш. Балли, французский лингвист, первым противопоставил поэтическую и языковую метафоры, показывая всеобщую метафоричность языка [Балли 1961: 333]. Как единый объект исследования языковая и художественная метафоры рассматриваются как в отечественных, так и в зарубежных работах, посвященных лингвистическому анализу метафоры. Однако языковая и художественная метафоры находятся в сложных и противоречивых отношениях.

Если рассматривать языковую и художественную метафоры с точки зрения семантики, то между ними нет принципиальных различий, так как сферы их применения взаимопроникаемы: отдельные образы могут переходить из художественной литературы в общий язык и наоборот. Данный переход называется видоизменением общего языка в художественных текстах (концепция Б.А. Ларина). Например, языковая метафора, попадая в художественный текст, наполняется свежей образностью: *туманный взгляд – «Ее глаза как два тумана»* [Скляревская 1993: 32]. При этом метафорическое наполнение несет на себе весь контекст, а не только ближайшее окружение метафоры: *цепочка слов – «Собственно, это была не фраза, а ржавая цепь из шершавых прямоугольных звеньев...»* [Скляревская 1993: 33].

Подобные взаимопереходы образов из общего языка в художественный текст вовсе не означают тождество языковой и художественной метафор. Так, языковая метафора не обнаруживает образного элемента, её можно заменить своей семантической единицей, не меняя смысла высказывания (*песня льется – песня звучит*) [Скляревская 1993: 33]. Существенные различия между языковой и художественной метафорами прослеживаются и на лексическом уровне. «Если языковая метафора представляет собой самостоятельную лексическую единицу, которая способна вступать в семантические связи и реализовываться в разнообразных лексических окружениях, то художественная метафора не имеет лексической

самостоятельности, она всегда связана со «своим» контекстом» [Скляревская 1993: 35].

Для построения метафоры необходимы компоненты, составляющие ее знаковую структуру: основной и вспомогательный субъекты метафоры и соотносимые свойства каждого объекта или класса объектов.

В знаковой структуре план выражения метафорического знака представлен словом-параметром (знак – носитель образа), которое указывает на субъект сравнения. Существует два способа подобного указания:

1. Прямое указание (*крест воспоминаний* – неприятные, мучительные воспоминания, компаратором выступает понятие «крест»).

2. Косвенное указание – интерпретация метафоры предполагает мысленное восстановление исходной метафоры или исходного сравнения (*тяжкие воспоминания – тяжкий груз*). Подобное указание используется при употреблении вторичных метафор, в которых объектом развертывания является слово-параметр.

Для смыслового понимания слова-параметра необходимо грамматически связанное и контактирующее с ним слово – слово-аргумент, которое указывает на первый субъект сравнения – компарант. С помощью контекстуальных подсказок метафора способна «говорить одно, имея виду нечто другое» [Серль 1990: 308].

Слово-аргумент может указывать на смысл метафоры прямо и косвенно. При прямом указании слово-параметр и слово-отгадка в метафоре находятся одновременно и в отношениях синонимии, и в отношениях сравнения, например, «*колонны стволов → стволы стройны, как колонны, стволы = колонны*» [Москвин 2006: 47]. Подобную метафору принято называть метафорой-сравнением.

Косвенное указание осуществляется через указание на тематическую сферу компаранта, в таком случае за словом-аргументом может скрываться сложная метонимическая цепочка (*корабль пустыни → верблюд, он функционально подобен кораблю*). Метафоры с косвенным указанием слова-

аргумента на компарант называют метафорой-загадкой. В случаях, когда во фразе отсутствует слово-аргумент, возможен переход метафоры-загадки в метафору-сравнение: *ковер зимы* → *ковер выпавшего зимой снега*, *колоннада рощи* → *колоннада стволов растущих в роще деревьев* и так далее. Следовательно, объектом развертывания в метафоре-загадке является слово-аргумент [Москвин 2006: 47].

Отличительной особенностью метафоры является ее смысловая двуплановость, которая позволяет метафоре охватывать два объекта, находящиеся в отношении сравниваемых, и соотносить их как основной и вспомогательный: *белок (яйца)* и *белок (глаза)*, *ножка (мебели)* и *ножка (маленькая нога)*. Чтобы избежать двусмысленности, в метафорах зачастую появляется микроконтекст, который проясняет ее предметную отнесенность, к примеру, *ножка стола*, *оконная рама*, *спинка кресла* и другие.

Интеракционный подход, развитый М. Блэком, утверждает, что механизм метафоры заключается в прилагаемой к главному субъекту системе «ассоциируемых импликаций», имеющей связь со вспомогательным субъектом. По мнению автора, «эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом» [Блэк 1990: 167].

План содержания метафоры, согласно интеракционному подходу, состоит из двух структурных элементов: основного (отождествляется с переносным значением метафоры) и вспомогательного (отождествляется с прямым значением метафоры) субъектов. При этом Москвин отмечает, что нужно учитывать план содержания слова-параметра, не перенося понятие «метафора» на слово-аргумент, так как слово-аргумент не входит в знаковую структуру метафоры [Москвин 2006: 49-50].

Итак, проблема изучения языковой метафоры впервые была рассмотрена в риторике, позднее в лингвистике, философии, психологии и других науках. В развитие современной теории метафоры внесли вклад такие лингвисты, как В.П. Москвин, Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складаревская, которые

выделили виды и типы языковых метафор, описали знаковую структуру метафоры и обозначили основные различия между языковой и художественной метафорами на разных уровнях языка. Современная лингвистика, в свою очередь, помогла обозначить основные функции метафоры, определив ее важную роль в языке.

За основу нашего исследования мы принимаем знаковую теорию метафоры, согласно которой указание на субъект сравнения осуществляется словом-параметром, которое, для смыслового понимания, грамматически связано со словом-аргументом, указывающим на смысл всей метафоры.

1.2 Современные лингвистические теории исследования метафоры

В современной лингвистике выделяют несколько функций метафоры, на основе которых определяются основные подходы к исследованию этого языкового явления. В нашей речи метафоры занимают немалую долю слов и выражений. Мы используем их, создаем незаметно для себя. Метафоры выполняют важную роль в языке, пополняют его лексическими и фразеологическими конструкциями (номинативная функция), создают собственную картину происходящего (инструментальная функция), придают сообщению более яркую, эмоциональную окраску (изобразительная функция), воздействует на воображение читателя (функция воздействия), представляет индивидуальную (авторскую) модель мира (моделирующая функция) [Харченко 2007]. В последнее время большое внимание уделяется когнитивной функции метафоры, под которой понимается «осмысление одних явлений действительности по аналогии с явлениями других сфер, то есть посредством метафоры нечто неизвестное или абстрактное сравнивается с чем-либо знакомым, осязаемым и понятным» [Боровкова 2015: 1].

Основной задачей лингвистических исследований является обозначение критерия метафоричности и отделение метафор от остальных языковых средств. Выделяются два подхода – семантический и

прагматический. Специфика метафоры с точки зрения семантического подхода заключается в ее лексическом значении, разнообразие которого отмечено в лингвистических словарях и энциклопедиях. Так, Л.А. Брусенская под термином «метафора» подразумевает «перенос наименования на основе сходства», при этом отмечает, что «метафора способна быть средством познания, так как с ее помощью возможно постижение абстрактных сущностей» [Брусенская 2005: 108]. Д.Э. Розенталь в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» [Розенталь 1985] выделяет, что «метафора – один из наиболее распространенных тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых различных чертах, так метафора подразделяется на простую, развернутую и лексическую» [Розенталь 1977: 176]:

– «метафора простая – метафора, построенная на сближении предметов или явлений по одному какому-либо общему у них признаку (*нос корабля, заря жизни, говор волн, град пуль*);

– метафора развернутая – метафора, построенная на различных ассоциациях по сходству (*вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады* (Горький));

– метафора лексическая – слово, в котором первоначальный метафорический перенос уже не воспринимается (*стальное перо, стрелка часов, лист бумаги*)» [Розенталь 1977: 176].

М. Блэк считает, что «...отнести предложение к разряду метафорических – значит сказать нечто о его значении, а не об орфографии, фонетике, интонации или грамматике» [Блэк 1990: 156]. Задача теории метафоры заключается в том, чтобы сформулировать правила перехода от прямого значения к метафорическому и выявить переносное значение метафоры. По мнению М. Блэка, при использовании целого предложения, содержащего в себе метафору, наше внимание привлекает одно слово, в котором скрыта причина метафоричности. Например, в высказывании

«*председательствующий с трудом пробивался через дискуссию*» сразу замечаем контраст между словом «*пробивался*», что значит *прокладывал путь*, и иными словами, которые его окружают. В таких случаях мы говорим, что *пробивался* имеет метафорическое значение, а остальные слова употреблены в буквальном смысле. Если предложение целиком состоит из слов-метафор, то оно образует поговорку, аллегорию или загадку [Блэк 1990: 155].

Сторонники прагматического подхода представление о буквальном и метафорическом значении метафоры подвергают критике. Прагматический подход допускает возможность присутствия только одного значения, которое ассоциируется со словом или предложением, например, буквального, в то время как значение любого выражения включает в себя лишь то, что значат его слова, а явление метафоры лежит вне границ смысла предложения. Д. Дэвидсон отмечает существование разницы между значением слова и смыслом, который вкладывает говорящий в это слово (его мысли, чувства и так далее). «Метафоры часто помогают нам заметить те свойства вещей и предметов, которые мы раньше не замечали; ... они раскрывают нам поразительные аналогии и сходства» [Дэвидсон 1990: 189-190], но нельзя говорить об этих сходствах как о части значения метафоры, как это делают представители семантического подхода.

С середины XX века метафору начинают изучать как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Нгапут 2007: 1]. Начинает появляться теория концептуальной метафоры.

В современных лингвистических трудах выделяют два равновесных термина – когнитивная метафора и концептуальная метафора.

Основоположником теории когнитивной метафоры является Эл Маккормак. Более подробно Маккормак рассмотрел метафору как способ

мышления в рамках когнитивной лингвистики в своей работе «Когнитивная теория метафоры» [Маккормак 1990], в которой охарактеризовал метафору как один из видов познавательного процесса, в который входит получение новых знаний об окружающем мире. Так, при внутреннем анализе метафоры, обнаруживаются находящиеся в ней когнитивные процессы, с помощью которых образуются новые сведения.

Основоположниками теории концептуальной метафоры считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, один из трудов которых носит название «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф 2004], ставший основой для большинства исследований феномена метафоры. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша *обыденная* понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [Лакофф 2004: 256]. Следовательно, заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона заключается в выделении того условия, в котором метафора не ограничивается сферой языка, как это было ранее, но и распространяется на мышление.

Все исследования метафоры в большинстве своем основаны на концепции переноса. Согласно теории концептуальной метафоры «переносу подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура, активируемая некоторым словом в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [Кобозева 2002].

Следовательно, особенность концептуальной метафоры заключается в том, что «в ее основе лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов 2001].

Когнитивный подход к метафоре представлен в работах А.П. Чудинова [Чудинов 2001], Э.В. Будаева [Будаев 2007] и А.В. Боровковой [Боровкова 2015].

Изучение метафоры в когнитивном аспекте связано с понятием метафорической модели. «Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами» [Чудинов 2001]. Метафорическая модель включает в себя три основных компонента:

– сферу – источник, то есть область понятий, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых соответствующей моделью единиц;

– сферу – мишень, то есть область понятий, к которой относятся метафорические смыслы охватываемых соответствующей модели единиц;

– компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы [Чудинов 2001: 248].

А.В. Боровкова в своей статье исследовала метафорическую модель «природное явление – это еда» и «артефакт – это еда» [Боровкова 2015].

При рассмотрении метафорической модели «Природное явление – еда» автор представляет пять частных классификаций сфер – мишеней и оснований для метафорического уподобления:

1) в основе лежит сходство природных явлений и предметов быта по их форме и оттенку («Солнце/Луна – это Круглый желтоватый продукт»);

2) основано на сходстве цвета («Белый туман/облако – это Молочный продукт»);

3) основано на сходстве размера и форме («Природные явления, состоящие из мелких твердых частиц – это Зерно/Крупа»);

4) основано на сходстве структуры («Порошкообразное вещество – это Мука»);

5) основано на сходстве консистенции («Грязь – это Полужидкое блюдо») [Боровкова 2015: 2].

Своеобразие языкового представления знаний человека о мире наиболее ярко проявляется в «образных средствах языка, которые реализуются в своей семантике уподобления различных объектов окружающего мира по принципу аналогии» [Садриева 2007: 145].

В статьях Г.А. Садриевой и Г.А. Хайрутдиновой исследование метафоры осуществляется на основе концепции образной парадигмы. «Под образной парадигмой понимается «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется». Под инвариантом образа понимается сложный смысл двух противоречащих друг другу понятий, один из которых то, что отождествляется (референт), а другой то, с чем отождествляют (агент)» [Садриева 2007: 145]. Автор обнаруживает, что внутри образной парадигмы существует связь: макропарадигмы включают в себя малые парадигмы, а те, в свою очередь, микропарадигмы. Например, «большая парадигма *глаза – свет* включает следующие малые парадигмы: *глаза – огонь*, *глаза – звезда*, *глаза – луч*, в основе которых лежит сема «яркий»» [Садриева 2007: 146].

В своей статье Г.А. Хайрутдинова под парадигмой образов понимает «множество образов, в которых реализуется инвариант» [Хайрутдинова 2009: 45]. Под инвариантом образа предстает сложный смысл, который возникает в результате сравнения понятий, существующих в отношении противоречия [Павлович 1995: 491]. В статье Г.А. Садриевой, выделяются понятия «референт» и «агент»: на месте референта выступает зима, а агентом являются понятия более узкого характера, такие как «человек», «птица», «божество», то есть некий компонент из мира идеального, воспринимаемый как существо, например: «*Старушка* добрая зима, / Покрыла шапками дома (зима как человек); Белые *крылья* ранней зимы (зима как птица); *Богиня разрушенья*, / Тебя, россиян мать, на лире воспою, / *Зима!* (зима как божество)» [Хайрутдинова 2009: 49].

Таким образом, теория концептуальной метафоры представляет собой активно развивающуюся область когнитивных исследований. Вопрос о функционировании концептуальной метафоры в языке послужил началу

исследований в области экстралингвистических факторов. Метафора является инструментом познания мира, благодаря лежащему в ее основе национально-культурному мировосприятию, способна отражать фундаментальные культурные ценности. Метафора играет важную роль в категоризации языка, мышления и восприятия, формирует личностную модель мира, что объясняет пристальное внимание когнитивной лингвистики и лингвокультурологии к данному феномену.

1.3 Классификация метафор по основному и вспомогательному субъектам (по формулам переноса)

В лингвистике проблему классификации метафоры рассматривали в своих работах такие авторы, как Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, В.П. Москвин, Г.Н. Складеревская и многие другие. Каждый исследователь разрабатывал подходы и критерии, с помощью которых метафоры разделялись на классы.

Отечественный лингвист Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1990] выделяет четыре типа языковой метафоры (номинативная, образная, когнитивная, генерализующая), а Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф 2004], напротив, выделяют два типа метафор (онтологические, ориентационные). Для нашего исследования представляет интерес классификация метафор по основному и вспомогательному субъектам, разработанная В.П. Москвиным [Москвин 2006], а также систематизация языковых метафор по типам метафорических переносов Г.Н. Складеревской [Складеревская 1993].

Существенной особенностью метафоры является двуплановость её содержания, которая возникает благодаря взаимодействию основного и вспомогательного субъектов. Когда мы используем метафору, мы имеем две мысли о двух разных вещах, действующих вместе и поддерживающихся одним словом или фразой, значение которых является результатом взаимодействия этих мыслей [Блэк 1990: 162]. Основываясь на этом,

В.П. Москвин выделяет семантическую классификацию метафор, которая включает в себя классификацию по основному и вспомогательному субъектам. Данная классификация систематизирует метафоры по общности основного и вспомогательного субъектов, по степени их смысловой удаленности и по тематической принадлежности.

В.П. Москвин так же классифицирует метафоры по общности субъектов. Подобная классификация связана с «выявлением лексических групп, способных принимать переносные значения по формулам переноса «значение А → значение Б», например, «вращение – управление»: *вертеть мужем, крутить подружками*; «водное пространство – неопределенно большое количество»: *озеро слез, море цветов*; «уход – смерть»: *уйти из жизни, отойти в вечность* и так далее» [Москвин 2006: 126].

Классификация по степени смысловой удаленности включает в себя два вида метафор: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя метафора строится внутри одного класса понятий. Например, семантическое поле «Власть» включает в себя глаголы руководства *командовать, руководить, управлять, дирижировать* и другие. Если внутри класса заменить один глагол на другой, то получится внутренняя метафора (*руководить* → *дирижировать* движением в науке). Внешняя метафора использует понятия разных семантических полей, например, глагол руководства заменяется на глагол перемещения объекта: ими *руководили* два брата – ими *вертели* два брата. [Москвин 2006: 121].

Классификация метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта позволяет сгруппировать метафоры, основанные на сравнении, например, со стрельбой: *стрелять* глазами; с театром: *играть роль* и так далее) [Москвин 2006: 113]. Согласно Г. Паулю, классификация метафор по вспомогательному субъекту позволяет рассмотреть в метафоре народные интересы той или иной эпохи, увидеть основу культуры на разных этапах ее развития [Пауль 1960: 115]. Классификация по основному субъекту включает в себя такие понятия, как, например, цвет (*вишневая сталь*,

васильковые глаза), неопределенно большое количество (*море людей, горы книг*), смерть (*уйти из жизни, отбросить коньки*) и так далее. Подобная классификация применяется при построении лексических классов и семантических полей [Москвин 2006: 115].

Г.Н. Складаревская при классификации метафоры исходит из того, что каждое семантическое поле членится в соответствии с членением объектов действительности, при этом лексика каждой рубрики вступает в метафорический процесс: «человек постигает этот упорядоченный мир посредством лексической системы своего языка, ибо только слово дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленить свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее» [Складаревская 1993: 65]. В результате системного анализа Г.Н. Складаревская выделяет «шесть глобальных семантических сфер: материальные объекты: 1) предмет; 2) животное; 3) человек; 4) физический мир; идеальные объекты: 5) психический мир; 6) абстракции» [Складаревская 1993: 67].

Также выделяются два типа метафорических переносов: регулярные и нерегулярные. Под типом метафорического переноса исследователь понимает путь образования метафоры, то есть направление, по которому осуществляется перенесение признака из одной семантической сферы в другую [Складаревская 1993].

К нерегулярным переносам относятся переносы: животное – предмет, животное – животное, животное – психический мир, человек – животное, физический мир – физический мир, физический мир – человек [Складаревская 1993]. По мнению исследователя, «нерегулярные метафорические переносы исчисляются единицами, которые нехарактерны для семантического поведения лексики той или иной семантической сферы и уязвимы с семантической точки зрения (например, тип переноса животное –

человек служит источником метафоризации только в одном направлении)» [Скляревская 1993: 95].

Типы регулярных метафорических переносов состоят следующих соответствий:

– предмет – предмет (*водопад слез, золото волос, нитка дороги, иглы ресниц*);

– предмет – человек (о характере: *заноза, развалина, квашня, дубина*; части тела: *жерди (ноги), котелок (голова), варезка (рот)*; о группе людей: *море людей, обойма писателей, поток посетителей*);

– предмет – физический мир (*град ударов, волна запаха, стена огня*);

– предмет – психический мир (*звезда удачи, камень на душе, водоворот страстей, паутина лжи, стрелы клеветы*);

– предмет – абстракция (*бездна дел, вагон денег, капля жалости, крупица смысла*);

– животное – человек (характеристика человека: *акула, букашка, обезьяна, черепаха*; часть тела: *грива, клешня, пасть*; жилище: *гнездо, берлога, конура*);

– человек – человек (*актер (притворщик), разбойник, ангел, дикарь, карлик, побирушка*);

– физический мир – психический мир (*весна жизни, огонь ярости, буря восторга, жар души*) [Скляревская 1993: 80-95].

Каждая из выделенных семантических сфер может одновременно являться как источником метафоризации, так и ее объектом. При этом метафорический перенос совершается всегда в определенных, упорядоченных направлениях.

На основе анализа регулярных метафорических переносов Г.Н. Скляревская выводит понятие «метафорическая активность». Метафорическая активность – это «способность того или иного лексического разряда (тематическая группа, семантическая сфера, семантическое поле) порождать языковые метафоры, выходящие за пределы «своего» круга

денотатов, отторгающиеся от «своего» семантического стержня и вторгающиеся в «чужие» семантические пределы» [Скляревская 1993: 88].

Метафорическая активность позволяет многократно использовать в метафорическом процессе имя того или иного предмета, при этом имя предмета может обозначать реалии из любой семантической сферы. Например, при создании метафорической цепочки со словом «волна», каждое новое звено будет отдаляться от исходного значения данного слова: *волна* → *волны песка* → *волны атакующих* → *волна боли* → *волна страха*. Такой прием позволяет использовать более простые, бытовые слова для объяснения научных терминов, явлений («*черная дыра*» – *сгусток звездного вещества, который благодаря своей степени сжатия и силе тяготения, не выпускает в пространство какие-либо частицы; и в просторах Вселенной есть колодцы – черные дыры, куда время как бы проваливается и застывает в бесконечности атом Резерфорда – тоже карусель, планетная карусель и другие*) [Скляревская 1993: 89].

Существуют также общие формулы переноса, описанные Квинтилианом: 1) перенос свойств одушевленного предмета на неодушевленный (*угрюмое море*); 2) перенос свойств неодушевленного предмета на одушевленный (*скупой* → *твердый человек*); 3) перенос свойств между двумя неодушевленными предметами (*небо звёздами расцветает*); 4) перенос свойств между двумя одушевленными предметами (*летающие мысли*).

Метафоры, произведенные по одной формуле переноса, образуют мотивационный ряд, или образные парадигмы. Согласно Н.В. Павлович, «парадигма образа – это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления... Чтобы по-настоящему понять образ, нужно узнать его парадигму, которая уходит в глубину веков» [Павлович 1995: 7]. По мнению М.М. Покровского, «мотивационные ряды помогают проследить семантическую закономерность, в соответствии с которой близкие по

значению слова имеют сходные или параллельные семантические изменения» [Покровский 1959: 82]. Так, новая форма слова в подобных мотивационных рядах заменяет старую форму, которая потеряла свою художественность и приобрела характер архетипов (*архетип «вода как время» – река времен, море лет, пучина времен*).

Рассмотрим в качестве примера мотивационный ряд «война → спор», предложенный лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Они утверждают, что спор является словесной битвой, состоящей из атаки, защиты и контратаки – действий, которые используются при ведении войны (*Я разбил его аргументацию; его критические замечания били точно в цель*). Ученый следующим образом раскрывают сущность данной метафоры: «споры и войны – это разные сущности: вербальный дискурс, и вооруженный конфликт, и производимые ими действия – это разные виды деятельности. Но мы частично структурируем, понимаем и говорим о споре в терминах войны. Концепт метафорически структурирован, деятельность метафорически структурирована и, следовательно, язык метафорически структурирован» [Лакофф 2004: 26-27].

В.П. Москвин утверждает, что образы, которыми может быть представлена ситуация спора, образуют несколько мотивационных рядов вместо одного. Например, образуются такие мотивационные ряды, как: а) физическое воздействие (*прижать к стенке, нанести удар*); б) война (*атаковать, защищать позиции*); в) игра и спорт (*выиграть, проиграть спор*); г) охота (*устроить западню, уловка*); д) движение (*привести аргумент, уйти от вопроса*); е) расположение (*позиции сторон, стоять на своем*) и так далее [Москвин 2006: 130].

Итак, благодаря системному подходу, применяемому при классификации языковой метафоры, удалось обнаружить и описать все многообразие метафорических переносов, их взаимную связь и зависимость. Он показал, что все элементы материального мира, все явления физическо-

психологического мира взаимосвязаны и взаимообусловлены, обладают упорядоченностью и системной организацией.

Выводы по первой главе

1. Метафора является одним из основных средств художественной выразительности, в основе которого лежит перенос признака между схожими предметами. В лингвистике среди обязательных признаков метафоры как языковой единицы выделяют вторичность номинации, семантическую двуплановость и образность.

2. В теории метафоры основополагающим вопросом является разработка типологии метафоры. К изучению вопроса о классификации метафоры подходили как отечественные лингвисты (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Ю.И. Левин, В.П. Москвин, Г.Н. Складарская), так и зарубежные (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Существующие типологии имеют разноаспектный характер, то есть учитывают несколько критериев: функциональный тип языковой метафоры, способ реализации компаративного элемента метафоры, характер возникающих при метафоризации семантических процессов, характер основного и вспомогательного субъекта, тип метафорического переноса.

3. Важную роль метафоры в языке определяют её функции. Так, метафора позволяет пополнять язык лексическими и фразеологическими конструкциями (номинативная функция), создавать собственную картину происходящего (инструментальная функция), придавать эмоциональную окраску (изобразительная функция), воздействовать на воображение читателя (функция воздействия), представить индивидуальную (авторскую) модель мира (моделирующая функция) и тому подобное.

4. За основу данного исследования принимается знаковая теория метафоры, суть которой заключается в том, что она может охватывать два сравниваемых объекта и соотносить их как основной и вспомогательный. Основной и вспомогательный субъекты, в свою очередь, входят в знаковую

структуру метафоры и являются необходимыми компонентами для её построения.

5. В своих трудах лингвисты не только выделили типы языковой метафоры, но и систематизировали метафоры по основному и вспомогательному субъектам, а также по типу метафорического переноса. Это позволило сгруппировать метафоры, основанные на сравнении с каким-либо признаком, объединить их в целые лексические классы и семантические поля. К основным типам метафорического переноса исследователи относят регулярные и нерегулярные переносы. Тип регулярных переносов состоит из таких метафорических переносов, как предмет – предмет, предмет – человек, предмет – физический мир, предмет – психический мир, предмет – абстракция, животное – человек, человек – человек, физический мир – психический мир. К нерегулярным метафорическим переносам относят переносы животное – предмет, животное – животное, животное – психический мир, человек – животное, физический мир – физический мир, физический мир – человек.

Глава 2 Особенности функционирования метафоры семантической сферы «Снег»

2.1 Типы регулярных метафорических переносов с участием компонентов семантической сферы «Снег»

В данном параграфе мы представим классификацию метафор с семантикой снега в русской лирике XIX–XX веков в аспекте типологии метафорических переносов. Под метафорой с семантикой снега понимается языковая единица, включающая компоненты семантической области «Снег», которые можно рассматривать и как источник метафорической ассоциации (*сыплет черемуха снегом*), и как объект метафорической номинации (*мухи снежные роятся*).

Материалом для исследования послужил «Словарь поэтических образов...» Н.В. Павлович [Павлович 2007], а также собственная картотека примеров функционирования метафор семантической сферы «Снег», отобранных из поэтических произведений русских поэтов XIX–XX века. Общий объем исследуемого материала 206 метафорических номинаций. Из них 131 метафора была собрана из «Словаря поэтических образов...» Н.В. Павлович [Павлович 2007], 75 метафор с семантикой снега – из собственной картотеки примеров.

Определим далее семантическую область «Снег» с помощью основных толковых словарей русского языка.

В толковом словаре В.И. Даля рассматриваемое понятие определяется следующим образом: «снег – мерзлые пары, падающие, в виде хлопьев, клочьев, с облаков» [Даль 2010]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова дается похожее определение данной лексемы: «снег – куча, залежи этих осадков; место, покрытое массой их» [Ушаков 2017]. С.И. Ожегов предлагает следующее определение: «снег – атмосферные осадки – белые пушинки, хлопья, представляющие собой кристаллики льда, а также сплошная масса

этих осадков, покрывающая землю зимой [Ожегов 2006]. С.А. Кузнецов понятие «снег» раскрывает, как «твёрдые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов» [Кузнецов 2000].

В результате анализа исследуемого материала были выявлены следующие компоненты семантической области «Снег» в составе структуры метафор: *буран, вьюга, вьюжный, ледяной, льдистый, метель, метелит, метельный, наст, пороша, пурга, пурговый, снег, снеговой, снегопад, снежинка, снежный, сугроб, сугробный.*

Отобранные метафорические номинации были классифицированы по типам регулярных переносов с участием выделенных компонентов. Тип метафорического переноса понимается нами как направление, по которому осуществляется перенесение признака из одной семантической сферы в другую [Скляревская 1993].

За основу в данной работе принимается классификация метафор по типам регулярных переносов Г.Н. Скляревской [Скляревская 1993]. Нами было выделено четыре вида регулярно встречающихся метафорических переноса в русской поэзии XIX–XX века с компонентом семантической области «Снег» в качестве объекта метафорической номинации:

1. Ткань (погребальный покров, саван и другие) → снег («...Словно до сердца поезд печальный / Через белый покров погребальный / Режет землю – и стонет она...», «...Едут путники узкой тропой: / В белом саване смерти земля, / Небо хмурое, полное мглою...» [Некрасов 1981]; «На пушистых ветках / Снежною каймой / Распустились кисти / Белой бахромой», «Замела седая вьюга / Поле снежным полотном», «Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона» [Есенин 1991]; «...Снег первый, наших нив о девственная ткань!» [Вяземский 2012]; «...Пурговым кружевом клокочет, / Пургой окуривает лоб», «Когда пойду в ночную ярь, / Чтоб кануть в бархате хрустящем...», «А в окна снежная волна / Атласом вьется над деревней» [Белый 2018]; «И белым кружевом по черни / Снег берега разрисовал»

[Случевский 2004]; «Я прохожу в лазури среброкружев», «Легкие годы звенят моментальной, / Кружево снега несется над спальней», «Позади – горы, белый шелк снега», «В парчовом снегу идет божество», «Не лая, бегают овчарка / По фетровым снегам двора», «...Сукном сугробов снеговых», «Утренник лег на дорогу / Ровным сухим полотном», «А очи застит зимний лен», «И солнце багровою розой / Скатилось на снежный миткаль» [Павлович 2007]).

В метафоре «*наших нив о девственная ткань*», из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег» [Вяземский 2012], прилагательное «девственная» передает чувство невинного, чистого, а в сочетании с существительным «ткань» придает снегу свойство нетронутого, тончайшего покрова, который мягко накрывает деревья, словно любящая мать кутает свое дитя.

2. Металл/твердое вещество → снег («...Целый мир из серебра! / В жемчугах горят березки...» [Брюсов 1989]; «...Вот меня из жизни вывели / снежным серебром стези...» [Блок 1964]; «...Вся в инее шапка большая, / Усы, борода в серебре...», «...Кругом – поглядеть нету мочи, / Равнина в алмазах блестит...» [Некрасов 1981]; «...В грозных айсбергах марсово поле, / И Лебязья лежит в хрусталях...» [Ахматова 1977]; «То-то же снег, этот мрамор для бедных...» [Бродский 2017]; «...рассыпались снежными звездами. / Алмазили окна и улетали...» [Белый 2018]; «И парчовое серебро сквозной паутиной опутало улицы и дома», «Сквозь жалкий алюминий снега / Зияет мертвая трава», «Снег глубокий мышьяком ложится за ночь, голубеет чистым висмутом», «По небесам, в туманной мути, / Сияя, лунный лик нырял / И серебристым блеском ртути / Слюду по насту озарял» [Павлович 2007]).

В стихотворении «Вьющий был ветер...» А. Белый [Белый 2018] с помощью метафоры «*алмазили окна и улетали*» отмечает сходство между снегом и твердым минералом – алмазом, так как оба отличаются легкой прозрачностью и драгоценным блеском в свете солнечных лучей. Метафора «*сквозь жалкий алюминий снега*», из словаря Н.В. Павлович

[Павлович 2007], строится на основе цветового сходства, поскольку алюминий имеет серебристо-белый цвет, то данное сравнение придает снегу холодный, металлический оттенок.

3. Одежда/украшение → снег («...Скачет конь, простору много, / валит снег и стелет шаль...»), «...Замело дорогу вьюжным рукавом, / С этой панихидой век свой весь живет...» [Есенин 1991]; «Здравствуй, в белом сарафане / Из серебряной парчи!», «...Кует он дивные изделия / Зиме, зазнобушке своей, / И наряжает в ожерелья / Он шею, мрамора белей» [Вяземский 2012]; «Скорбные дали, – / Вуали / Зимы», «Укрой меня плащом седым» [Белый 2018]; «Лес разделся в тяжелую ризу» [Случевский 2004]; «Один и тот же снег – белей / Нетронутой и вечной ризы» [Блок 1964]; «...И серьги вчерашней метели / У зябких осинок в ушах», «Меня закрывает от старых нападок / Пуховый платок твоего снегопада», «Исканавилось поле, и зобы окопов успели вырасти / На обмотанных снежными шарфами горлах гор», «...Вот яростно с крыши железной / рукав серебристый взметнулся», «И у ворот ее стоят / На страже черные граниты, / Плащами снежными покрыты», «Белыми кофтами завертела пурга», «Пушистой мантией гордились, / Из легких сотканных снегов», «И на него фатою брачной / Небрежно ляжет первый снег», «Словно сглаженные складки / Ненадеванной фаты», «В снег оделися поля, / Облеклась в тулуп нагольный / Православная земля!», «Меж лохмотьев рубашки своей снеговой» [Павлович 2007]).

В стихотворении С.Е. Есенина «Пороша» [Есенин 1991] встречается метафора «валит снег и стелет шаль» в значении предмета женской одежды. Это позволяет автору создать образ женственности и легкости, а также ощущение домашнего уюта, который передает образ сосны-старушки: «Понагнулась, как старушка, / Оперлася на клюку».

В стихотворении П.А. Вяземского [Вяземский 2012] метафора «Здравствуй, в белом сарафане / Из серебряной парчи!» наоборот создает образ молодой и энергичной девушки, обладающей «живительной улыбкой», которая «пробуждает» всех на своем пути.

4. Насекомое → снег («...Дворники, / Как пчеловоды, / Смотрят снежное роенье...» [Самойлов 1980]; «...Ни ветерка, ни солнечных лучей, / И мухи снежные роятся и кружатся...» [Лунин 1991]; «...И ловит кошка рыжая / веселых белых мух...» [Некрасов 1981]; «...Где столетняя моль зимы / С человека снимает ворс» [Цветков 2015]; «Слетит веселый рой на стекла / Алмазных, блестящих стрекоз», «Ты, метель, улей белых пчел...» [Белый 2018]; «...Женщин, траченных снежной молью», «Прыснули вверх снега... Обрывались стекленеющими стрекозами» [Павлович 2007]).

В. Лунин в стихотворении «Снег» [Лунин 1991] также описывает прекрасные зимние пейзажи, но при этом передает наступившее затишье и холод. «Шепот» зимы обволакивает колкие кусты, крыши и пороги домов. Метафора «...Ни ветерка, ни солнечных лучей, / И *мухи снежные роятся и кружатся*» создает безлюдную картину, где только падающий снег резвится под тоскливую песнь Малиновки.

Кроме отмеченных видов метафорических переносов, в словаре поэтических образов Н.В. Павлович [Павлович 2007] выделяются еще три вида:

1. Прах, смерть → снег («...И внезапным согретым лучом / Снежный прах так тепло серебрится...» [Ахматова 1977]; «...И холодными призорами / белой смерти предала...», «И звезды сыплют снежный прах» [Блок 1964]; «Из чащи к дому нет прохода, / Кругом сугробы, смерть и сон», «И белому мертвому царству...» [Пастернак 2017]; «...Повисшего у диких конских ног, / Дымились клочья праха снегового...» [Бунин 1987]).

У А.А. Ахматовой метафора «*Снежный прах так тепло серебрится*», использованная в стихотворении «Годовщину последнюю праздной...» [Ахматова 1977], подводит читателя к мрачному настрою и ощущению гробовой тишины, как и строки: «*Меж гробницами внука и деда*», «*Свет луны как нарочно, притушен*». Все соответствует зловещей атмосфере и «*тюремный бред*», и «*погребальный*» свет фонарей. Но при этом Ахматова

оставляет место для тепла и надежды, и внезапный солнечный луч превращает «снежный прах» в нечто прекрасное.

Б.Л. Пастернак, в стихотворении «Иней» [Пастернак 2017], при помощи олицетворений и сравнений описывает приход зимы, сопровождающийся ветром, который «пугает перед сном» рябину, лесом, который, облачившись в белое одеяние, становится похож на подсматривающую росомуху. С помощью метафор показывает, как вся природа, словно «*спящая царица в гробу*» накрывается «*снежной густой занавеской*» и погружается в «*белое мертвое царство*».

2. Пух → снег («...Сном волшебным очарован, / Легкой цепью пуховой...» [Тютчев 1976]; «А на коврах полей зеленых / Лежит рассыпан белый пух» [Державин 2016]; «Прости, крылатый дух! / Лети, бессмертный пух!» [Блок 1964]; «Колкий, пронзающий / Пух» [Есенин 1991]; «Примелькался снег, уносящийся пухом», «Ты, метель – белый цвет, облако пуха» [Белый 2018], «Жестокая Зима на паствы возлегает... И пух из облаков рукой дрожащей трет», «... обдавая нас холодным мягким пухом», «Сыпался первый морозный пух», «Мчусь на ветер и мороз, / Бег реки стал тверд и сух, / Всюду чистый белый пух», «Лебязьим пухом свод небес омержен», «...И снег пойдет, лебязий и безмолвный» [Павлович 2007]).

Для обозначения крепкого снежного плена, в котором оказались деревья, Ф.И. Тютчев использовал метафору «*легкой цепью пуховой*». Связь снега с пухом придает воздушности и, в то же время, ощущение плотного покрова. Это позволяет создать картину заснеженных рощ, а также тихую и спокойную атмосферу, в которой вся власть принадлежит зиме.

Метафора «*колкий, пронзающий пух*» С.А. Есенина, напротив, создает картину тяжелых преград, где снежный пух становится ожесточенным противником для идущих сквозь тайгу заключенных, будто сама природа вершит наказание.

3. Предмет быта/изделия из ткани → снег («...И сегодня над широкой / Белой скатертью полей...» [Бунин 1987]; «На снежно-синем покрывале /

Читаю твой условный знак» [Блок 1964]; «А по двору метелица / Ковром шелковым стелется» [Есенин 1991]; «Зимы покров однообразный / Везде сменил наряд цветной» [Вяземский 2012]; «За снежной густой занавеской / Какой-то сторожки стена», «Валились зимы кучей, шли дожди, / Запахивались вьюги одеялом...» [Пастернак 2017]; «Прозрачная ложится пелена / На свежий дерн и незаметно тает» [Ахматова 1977]; «Порошица серебряная, покрутясь простыней завиваемой, – стлалась», «И стужи ей ковры из белых волн прядут», «Зима серебристой пеленой / Одеда горы и луга», «Между небом и землей – воздушною циновкою ... Снег» [Павлович 2007]).

В стихотворении «Первый снег» И.А. Бунина [Бунин 1987] под метафорой «*белой скатертью полей*» понимается снежная гладь на обнаженных полях. Спустя время «*белая скатерть*» накроет землю, навевая ощущение света и праздника. Приход зимы вызывает у автора очарование. Образ зимы для Бунина является символом чистоты, света и беззаботного детства.

Помимо регулярно выделяемых в поэтических текстах Н.В. Павлович выделяет и единично представленные виды метафорических переносов:

1) огонь → снег («...И горят снежинки / В золотом огне...», «...Заметался пожар голубой, / Позабылись родимые дали...» [Есенин 1991]; «...В белом пламени клонится куст / Ледяных ослепительных роз» [Ахматова 1977]; «И наст горит под скользкой лыжей. / Дымится снег» [Шаламов 1977]; «Метель огнем неистовым неслась издалика», «В этот дом прилетали в метельном огне...», «А впереди – в пожаре белом – / Горит и не сгорает бор», «Под окнами / Костер метели белой» [Павлович 2007]).

В стихотворении «Береза» С.А. Есенин [Есенин 1991] для передачи блеска снега на ветвях березы на солнце использует метафору «*и горят снежинки в золотом огне*», с помощью которой образ зимнего дерева становится праздничным, волшебным и изысканным.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Хорошо здесь...» [Ахматова 1977] солнечные лучи, попадая на снежную гладь, создают ощущение «*белого пламени*», которое не только слепит глаза наблюдающего, но и согревает теплыми воспоминаниями;

2) вода → снег («...Режет землю – и стонет она, / Стонет белое снежное море...» [Некрасов 1981]; «И снежные брызги влача за собой, / Мы летим в миллионы бездн» [Блок 1964]; «Закурился снежный океан» [Черный 2018]; «Зима установилась в марте / С морозами, с кипеньем вьюг», «Степь бесконечная и снега / Необозримый океан», «Снег встал потопом» [Павлович 2007]).

В стихотворении «Балет» Н.А. Некрасов [Некрасов 1981] уподобляет снежный покров, по которому везут покойного, снежному морю («стонет белое снежное море»). Данная метафора передает читателю чувство покоя, поглощающей тишины, а глагол «стонет» – подчеркивает погребальную атмосферу, которой прониклась и сама природа.

Нарушает чувство покоя и тишины описание зимы в стихотворении С. Черного «Белая колыбель» [Черный 2018]. Метафорой «*закурился снежный океан*» передается стихийный, необъятный, всепоглощающий характер зимы. Своими ветрами она волнует снежный покров, поднимая его словно волны и превращая в острые снежные стрелы. Подобные вихри обжигают лицо, однако человек вынужден отступить перед этой стихией и молчаливо кутаться в теплую одежду.

Большая часть метафорических выражений в русской лирике связана со снегом как объектом образной номинации. Представим далее выделенные нами метафоры, которые обозначают другие явления действительности через поэтическую ассоциацию со снегом:

1) снег → растение («...Сыплет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе», «...Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело», «...Хорошо в черемуховой вьюге / Думать так, что эта жизнь стезя...», «Даже яблонь весеннюю вьюгу / Я за бедность полей разлюбил»,

«...Кажется мне – осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду» [Есенин 1991]; «Нанеси в кровать ей / Снежные цветы» [Блок 1964]; «Снова гигантские лилии, занесясь, закачавшись над городом, облетали с пургою», «Разметались по воздуху лилии» [Белый 2018]; «А в ответ из воздуха, из мрака / Полетели сонмы белых роз...» [Поплавский 1999]; «...мороз / Вплетает звезды ледяные / В венки пушисто-снежных роз» [Вяземский 2012]; «Я перепутал все миры / И сад серебряных магнолий / В метелях севера открыл», «В окнах сквозили снега – одуванчики», «Из багряницы роз многострадальных / страсти / творили розы / снега», «На миг растит зима цветок снежинки нежной», «Ландыши небесные, вы всегда бесстебельны, / Безуханно юные искорки луны...» [Павлович 2007]).

Метафоры «*сыплет черемуха снегом*» и «*хорошо в черемуховой вьюге*» [Есенин 1991] основаны на сходстве лепестков черемухи и снега: они легки и воздушны, тихо, подхватываемые ветром, опадают на землю, при этом создают «снежный» покров.

В стихотворении С.А. Есенина «Сестре Шуре» [Есенин 1991] осенний листопад представлен метафорой «*багряная метель*», где образ листопада символизирует смену времени года, прощание. Смена времени года прослеживается и в стихотворении Б.Ю. Поплавского «Dolorosa» [Поплавский 1999], где метафора «*полетели сонмы белых роз*» символизирует первый снег, которым сопровождается приход зимы и морозов;

2) снег → любовное чувство («...Я не заласкан – буря мне скрипка. / Сердце метелит твоя улыбка...» [Есенин 1991]; «...Забытый сон о поцелуях, / О снежных вьюгах вокруг тебя...» [Блок 1964]).

В стихотворении «Плачет метель, как цыганская скрипка...» С.А. Есенина [Есенин 1991] герой взбудоражен любовью к девушке. Стоит ему лишь подумать о ней, как он представляет мелодию на скрипке (которую не случайно автор сравнивает с метелью при помощи метафоры «*Сердце метелит твоя улыбка*»), его воспоминания мелодичны, но в то же время

неспокойны, лихорадочны. Он возбужден чувствами, нахлынувшими на него, при воспоминаниях о лирической героине.

А.А. Блок в стихотворении «Снежное вино» пишет о своих чувствах к любимой женщине. Он замечает, что между ними больше нет любви *«И вновь вдыхаю, не любя, / Забытый сон о поцелуях»*, они потеряли духовную близость и связь. Поэт вынужден имитировать настоящие чувства, однако он ощущает заметный холод, исходящий от избранницы, выраженный метафорой *«о снежных вьюгах вокруг тебя»*;

3) снег → тюрьма/заточение (*«...Ты поймешь растущий издали / Зов закованный в снега...»* [Блок 1964]; *«...Цепями льдистыми покорный пруд окован...»* [Вяземский 2012]).

«Последний путь» А.А. Блока [Блок 1964] посвящено любимой женщине и разлуке с ней. Автор передает это чувство через метафору *«Зов закованный в снега»*, которая является символом, передающим страдающую и одинокую душу лирического героя. Образ земли, скованной метелью, становится холодным и почти мертвым.

Метафорой *«цепями льдистыми покорный пруд окован»*, использованной в стихотворении П.А. Вяземского «Первый снег» [Вяземский 2012], сопровождается образ зимы-хозяйки, которая преобразовала весь мир. Природа покорно принимает все изменения, которые для нее не являются чем-то мрачным. Так, пруд смиренно покрывается льдистыми цепями, позволяя ожить людским забавам: *«Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой... По льду свистящему кружатся и скользят»*.

К числу выделенных метафорических переносов добавим те из них, которые отражены в словаре поэтической образности Н.В. Павлович [Павлович 2007]:

1) человек → снег (дочь, девица, старуха, старец, балерина, мертвец, воин и другие): *«Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга...»*, *«В окне: там дев сквозных пурга...»*, *«...Как пьяна с них твоя супруга, / Белокося девица-*

вьюга!»), «И вьюга в перепевном гимне... Грядет и веет волосами / Седых, серебряных старух», «Странница клокастая / Метель – в избу ломится...», «Со дня рождения он – старец, – словно век: / Такой же он немой, осмысленно бесплодный, / Бездушный бледный снег», «Улей видим воинов белых», «Белый мертвец вставал у окна...» [Павлович 2007];

2) животное → снег (собака, конь, волчица, лисица, лошадь, кабан, медведь и другие): «И поет огонь / О том, / Что метельный конь / За окном», «Над крышею пурговый конь...», «Вьюга лошадю пляшет буланой», «Разыгралась тройка-вьюга», «Псом обегая сон станционный, / Вьюга поземкой змеилась прочь», «Загуляла седовласая пурга... И бросается волчицею в окно...», «Бежала у поселка и по долине сизо-бурая лисица – снег густой», «Снег продавил синее небо. Медведь снеговой гложет тучи» [Павлович 2007];

3) птица → снег (лебедь, соловей, павлин): «Ты лети, белый лебедь, из снега сотканный...», «Улетай, лебедь-вьюга!» [Белый 2018]; «Птица вьюги / Темнокрылой, / Дай мне два крыла!», «А сад был вылеплен из снега... в саду снежинки-соловьи» [Павлович 2007];

4) еда, напитки → снег (сахар, соль, халва, молоко, хлеб, вино и другие): «В гладь лазури дымишь ты белым, шипучим снежным вином», «По улицам бродит метель, / Тягучая, нежная брага», «...В снежном кубке, полном пены, / Хмель / Звенит», «Это вьюги хрустящий калач / Тычет в окна рогулькой душистой», «...Слетались хлопья со двора / К оконной раме», «... в теплом купе, за которым всю ночь густо шли черно-зеленые, в белом сахаре, еловые леса», «...день – золотая капель; снег – халва, разрезаемый саночками», «... И снега шоколадная халва / Рассыпчато скрипела под калошей», «Снег, местами атласный, местами хрупкий как соль, рассыпчатый и все твердевший от мороза, визжал и хрустел при каждом, самом осторожном шаге», «И стали дороги белей молока, / И дали весь день тосковали, / Что солнце на лыжах ушло в облака...», «И кремом яблочно-розовым / Блеснул на вершинах снег» [Павлович 2007];

5) снег → плоды (яблоки, виноград и тому подобное): «И яблоком хрустит саней морозный звук», «...Роскошно с ветви плодоносной / Висит алмазный виноград» [Павлович 2007];

6) части и органы человека → снег (рука, глаза, уста, волосы, лицо, скелет, слюна и тому подобное): «Застряв в бурана бледных челюстях...», «Грива метельная в окна холодные просится», «Когда ж порой власы седые / Зима распустит на горах», «В окне вьюга летела ледяным скелетом...», «...Женщина выбежала из балагана, / уткнулась в мокрую морду снега», «...Снежинка, / Мягкопера и газета!», «Город зимнее снял. / Снега распустили слюнки» [Павлович 2007];

7) пряжа → снег (нить, вата, клубок): «Вата снег. Мальчишка шел по вате», «...А над городом голым, седым / Лебедили хлопья ваты», «Вдруг снег посыпал. Ключья ваты / Слетели с неба там и тут», «...То нить казалась белой, чистой; / То вдруг под медленной луной / Блистала тканью серебристой», «Вьюга – клубок серебряных ниток – накатилась: ветры стали ее разматывать», «...замело/ Длиннорогие ветви сырой грубошерстной пряжей» [Павлович 2007];

8) мех → снег (шуба, тулуп, шерсть и тому подобное): «У метели шуба с шумом, / С белой проседью», «Не вихри фонаря в распахе снежных шкур», «Когда, снуя на задних лапах, / Храпел и шерсть ерошил снег», «У метели рукава / Горностаевые» [Павлович 2007];

9) головной убор → снег (шапка, чепчик, башлык, папаха, чалма): «...огромные снежные шапки на избах», «...снега и белые шапки крыш», «Дом накрыло шапкой белого генерала», «...Чалмою белою от века / твой лоб наморщенный увит», «Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы» «Нахлобучив башлык, / Отсыпается край, / как сурок», «И лес восторженно зашепчет, / Стряхнув с макушек снежный чепчик», «...Все обледенело с размаху / В папахе до самых бровей» [Павлович 2007];

10) снег → ментальное (покой, сон, забвение, небытие): «Чтоб не нарушить снежный сон» [Блок 1964]; «И пошел, успокоеньем вея, / Белый

снег», «И как метель великая / Храпит в сугробном сне», «Летит на цинковые урны / и липнет снег небытия», «И кажется, что усадьба вымерла... все забито снегом, все спит безжизненным сном под напевы степного ветра, среди зимних полей», «Из чащи к дому нет прохода, / Кругом сугробы, смерть и сон», «И нет моей завидней доли – / В снегах забвенья догореть» [Павлович 2007];

11) снег → орудие (копье, пуля, стрела, кнут и другие): «...а копье ледяное стучало по окнам», «Отдаюсь просторам и безлюдью / И ударам острых снежных стрел», «Стегает злая выюга / Расщелканным кнутом», «Выюга пела. / И кололи снежные иглы», «...там снегом визжало, как пулею», «Снежинки, – золотые пули, – / Летят в раскрытый смехом рот...» [Павлович 2007];

12) снег → звук (звонки, хохот, плач, шепот, музыка, речь): «Убаюкала выюга седая / Дикой песнею лес опустелый...», «Поет метель над тихо спящим бором», «Завели басы бурана / И метели тенора. / От симфоний этих снежных...», «Царскосельские помнят липы / Окаянный хохот пурги...», «В полях пурга пылит и плачет», «Под ласковый шепот выюги», «...Пищащий снег, живой, бормочущий, скрипучий!» [Павлович 2007];

13) снег → свет (огни, молния и другие): «Серебро, огни и блески» [Брюсов 1989]; «Пух белых молний взметнула выюга» [Павлович 2007];

14) снег → экзистенциальное (время, жизнь и так далее): «Метель запевала: «Я метель – улетающая жизнь»...», «С неба тяжелого, / сном, чудодейством, / снегом на голову / валится детство», «...Околдован, лес стоит... Чудной жизнью он блестит», «...Скользили мимо снежные часы / Кружились на камнях и исчезали» [Павлович 2007];

15) снег → божество, мифическое существо (Бог, ангел): «Расчищу Твои снегопады... Но к черту веселой лопатой / Счищаю Твою чистоту...», «...то стаи далеких ангелов испуганным отрядом с уступов тучи слетали в загоревшейся ясной заре» [Павлович 2007].

Помимо этого несколько языковых метафор, имея одну смысловую нить, способны связать разные метафорические сферы. Это свидетельствует о свойстве языковой метафоры поддерживать «семантическую непрерывность словаря» [Скляревская 1993: 133].

Из всех явлений природы *снег* обладает наиболее ярко выраженной спецификой, являясь значимым компонентом русской поэтической картины мира. В поэзии *снег* является одним из ключевых компонентов, вдохновляющих поэта. Отсюда вытекают всевозможные образы, показывающие отношение автора к зимнему периоду. Так, при помощи разных метафорических переносов создаются три основных поэтических образа: русская зима, мир цветущих растений и взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Первый образ репрезентируется с помощью метафор, в которых снег является объектом изображения, при этом наблюдается описание зимы от грациозной и милосердной к спящей природе до одинокой и беспощадной: снег → ткань, снег → металл/твердое вещество; снег → одежда/украшение; снег → насекомое; снег → огонь; снег → пух, снег → прах/смерть; снег → тюрьма/заточение; снег → вода.

Образ цветущих растений раскрывается при помощи метафорического переноса «снег → растение», а образ любовного чувства передается через метафоры «снег → любовное чувство».

Разные стороны одного периода привлекают поэтов своим великолепием и таинственностью, отражаясь в стихотворениях при помощи разнообразных средств выразительности таких, как эпитеты, сравнения, метафоры и другие.

Изучение группы переносов с компонентами «снег» при помощи анализа контекстов, позволяет установить, какие объекты становятся объектом сравнения со снегом, а также помогает определить, какие признаки снега выступают основой для метафорического переноса.

Так, в результате рассмотрения поэтических текстов было выявлено, что для языковой репрезентации образа растения используются такие части речи, как глаголы «сыплет», «осыпаются», «облетали», «разметались»; прилагательные «багряной», «черемуховой», «белые», «гигантские», «весеннюю», «серебряных», «снежные», «пушисто-снежные», «небесные»; существительные «яблоня», «липы», «лилии», «розы», «одуванчики», «магнолии», «ландыши».

Для создания образа смерти часто употребляется прилагательное «погребальный», «мертвый», «холодный», «белый»; существительные «прах», «саван», «смерть». Обнаруживается сходство по цветовому признаку между снегом и похоронным одеянием: «в белом саване» и «белой смерти». В описании таких свойств снега, как блеск и мерцание, делается упор на аналогичное свойство у металлов. Это объясняет сравнение снега с серебром и драгоценными камнями у таких поэтов, как Н.А. Некрасов, В.Я. Брюсов, А.А. Блок, А.А. Ахматова, И.А. Бродский.

Кроме того, анализ регулярных метафорических переносов позволил выявить, через какие объекты действительности описывается *снег* как предмет изображения:

- предметы быта/изделия из ткани: *скатерть, простыня, одеяло, ковер, покрывало, покров, занавеска, пелена, циновка;*
- стихии: *огонь, вода, море, океан, потоп;*
- одежда и украшения: *рукав, шаль, сарафан, ожерелье, серьги, платок, шарф, плащ, кофта, вуаль, фата, риза, мантия, тулуп, рубашка;*
- насекомые: *муха, роенье, пчела, моль, стрекоза;*
- металлы и твердые вещества: *серебро, алмаз, жемчуг, мрамор, хрусталь, алюминий, мышьяк, висмут, ртуть, слюда.*

Анализ текстов, созданных в разные эпохи, позволяет полно описать образ снега, который дополнялся новыми признаками, в зависимости от изменений мировосприятия авторов.

2.2 Группы метафор с семантикой снега по характеру ассоциативных отношений

Метафорические символы очень разнообразны по своей природе, по своему семантическому устройству (моносемные², полисемные³), они имеют неустойчивый и подвижный характер. Поэтому нельзя четко отграничить виды языковых метафор. В соответствии с этим рассмотрим наиболее известные виды языковой метафоры:

- мотивированная;
- синкретическая;
- ассоциативная [Скляревская 1993].

Мотивированная языковая метафора включает в себя семантический элемент, связывающий метафорическое значение с исходным. Так, к примеру, одним из значений «роенья» является «кружиться в воздухе», что совпадает со значением метафоры «*смотрят снежное роенье*» (Дворники, / Как пчеловоды, / Смотрят снежное роенье, / И заснеженной природы / Принимают настроение) [Самойлов 1980]. Другим значением является «появляться во множестве, непрерывной вереницей», с которым схоже переносное значение «*и мухи снежные роятся и кружатся*».

Связь с исходным значением прослеживается в метафоре «*цепями льдистыми покорный пруд окован*» [Вяземский 2012], где цепи сравниваются со льдом, основываясь на их общем качестве – сковывать, лишать возможности двигаться.

Синкретическая языковая метафора основана на смешении чувственных восприятий. Например, метафора «*сердце метелит твоя улыбка*» (Юношам счастье, а мне лишь память / Снежную ночью в лихую замять. / Я не заласкан – буря мне скрипка. / Сердце метелит твоя улыбка)

² Моносемия (однозначность) – слова, имеющие одно лексическое значение (например, автостоп, гитара).

³ Полисемия (многозначность) – слова, имеющие несколько лексических значений (например, идти, корень, рука).

[Есенин 1991] образована от глагола «будоражить», что значит волновать, возбуждать.

Метафора «*заметался пожар голубой*» подразумевает вихрь или бурное проявление чего-либо, как во время пожара, что навеивает образ вьюги и бури: «Заметался пожар голубой, / Позабылись родимые дали. / В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить» [Есенин 1991].

Метафора «*белой смерти предала*» [Блок 1964] вызывает чувство замирания, покоя, чаще возникающие в зимний период. Подобное чувство замирания, глубокого сна также создается такими метафорами, как «*кругом сугробы, смерть и сон*», «*метель великая храпит в сугробном сне*», «*и пошел, успокоеньем вея, белый снег*» [Павлович 2007].

Метафора «*снежный прах так тепло серебрится*» вызывает чувство надежды, которая в свою очередь сопровождается душевным теплом: «В грозных айсбергах Марсово поле, / И Лебяжья лежит в хрусталих.../ Чья с моею сравняется доля, / Если в сердце веселье и страх. / И трепещет, как дивная птица, / Голос твой у меня над плечом. / И, внезапным согретый лучом, / Снежный прах так тепло серебрится» [Ахматова 1977].

Метафора «*стонет белое снежное море*» [Некрасов 1981] погружает в тревожную атмосферу, которая поглощает читателя, утаскивая его в пучину. Чувство поглощения присуще также вьюге, метели и снежному бурану.

Метафора «*колкий, пронзающий пух*» [Есенин 1991] передает чувство враждебности зимней природы к заключенным, идущим через лес.

Ассоциативная языковая метафора базируется на создании аналогий между любыми объектами действительности. Подобная метафора полностью характеризует метафоричность языка. При образовании ассоциаций возможно употребление избыточных значений, которые могут быть далеки от ядерной части. Рассмотрим, к примеру, следующие метафоры: «*О снежных вьюгах вокруг тебя*» здесь вьюга, как сильный снежный вихрь, вызывает ассоциацию с любовью, так как одним из значений этого слова является внутреннее стремление, влечение, горячая сердечная склонность.

Любовь словно вьюга окутывает героя, вызывая бурю эмоций: «Я опрокинут в темных струях / И вновь вдыхаю, не любя, / Забытый сон о поцелуях, / О снежных вьюгах вокруг тебя» [Блок 1964].

«Зов закованной в снега», где снежный плен ассоциируется с тюрьмой и заключением, которые ограничивают свободу, ущемляют и сковывают движения: И на этот путь оснеженный, / Если встанешь – не сойдешь. / И душою безнадежной / Безотзывное поймешь. / Ты услышишь с белой пристани / Отдаленные рога. / Ты поймешь растущий издали / Зов закованной в снега [Блок 1964].

Метафоры «сыплет черемуха снегом» и «хорошо в черемуховой вьюге» [Есенин 1991] сразу наталкивает на образ опадающих цветов. Они так же легки и воздушны, тихо, подхватываемые ветром, опадают на землю. При этом создают «снежный» покров.

Метафора «белой скатертью полей» [Бунин 1987], несомненно, ассоциируется с изделием из ткани, которым покрывают стол. Скатерть сама по себе имеет признаки чистоты и праздника, к тому же хранит чувство ностальгии и беззаботного детства. Здесь же и снежный покров, укутывая землю кристально белым снегом, сохраняет чувство свежести и детских возгласов.

Метафора «запахивались вьюги одеялом» [Павлович 2007], где быстрый снежный поток создает легкую и плотную завесу, которая будто «укутывает» воздух, стараясь его согреть, что, в свою очередь, позволяет провести ассоциацию между снежным вихрем и одеялом.

Метафоры «целый мир из серебра» и «в жемчугах горят березки» [Брюсов 1989] одновременно создают праздничную атмосферу, со всеми вытекающими мелочами. Например, метафора «целый мир из серебра» ассоциируется с переливом огней, с созданием уюта от излучаемого света, а метафора «в жемчугах горят березки» описывает образ нарядных барышень, готовых к приятному праздничному вечеру, мечтающих показать себя во всей красе.

Метафора «*багряной метелью*» [Есенин 1991] ассоциируется с образом листопада, отчасти из-за эпитета «багряный», который характерен для осенней цветовой гаммы. Вторым с критерием уподобления будет являться свойство листопада, как и метели, вьюги и снега, засыпать дорогу, преграждая путь.

Метафора «*и горят снежинки в золотом огне*» [Есенин 1991] позволяет выстроить более обширный ассоциативный ряд. Так, снежинки, отражающие солнце, могут выступать в качестве ювелирных украшений или же быть отблеском «золотого огня», тем самым напоминая пожар и пламя, или же, возможен вариант, отблеска с поверхности воды.

Метафора «*И наст горит под скользкой лыжей*» [Шаламов 1977] передает отблеск света на застывшем снежном покрове, который, в результате трения о лыжи, был отполирован, что позволило ему ярче отражать солнечные лучи, вызывая эффект горения. В то же время лыжники, нарушая целостность застывшего снега, поднимают вверх столпы снежной пыли, которая ассоциируется с дымом от огня. Этот эффект в стихотворении передает метафора «*дымится снег*» [Шаламов 1977].

В метафоре «*с кипеньем вьюг*» [Павлович 2007] при помощи существительного *кипенье* сравнивается вьюга с бурлящим, бушующим потоком воды. А движение снежинок во время вьюги приравнивается к хаотичному движению молекул воды во время кипения.

Метафора «*веселые белые мухи*» [Некрасов 1981] сочетает в себе значение глагола *роенье*, который чаще всего употребляется со словом «насекомые». Таким образом, автор данной метафоры сравнивает падающие снежинки с насекомыми, придавая им резвость и некую назойливость.

Метафора «*слетались хлопья со двора*» [Пастернак 1990] основывается на сходстве снежинок с хлопьями. Снежинки легкие и воздушные, по форме напоминающие форму хлопьев, опадают на землю, покрывая ее белым слоем, словно молоком.

Метафора «закружилась пряжа снежистого льна» [Есенин 1991] снег, создавая узоры, вихрем слетая, напоминает узоры из пряжи на полотне.

Метафора «замело дорогу вьюжным рукавом» [Есенин 1991] будто покрывает землю снежным слоем, как прикрывает голую кожу рукав одежды, скрывая от посторонних глаз. Метафора «валит снег и стелит шаль» [Есенин 1991] также выражает ассоциацию с предметами одежды, придавая образность и особенность носителям этого «снежного» одеяния.

Ассоциацию с драгоценными камнями вызывают такие метафоры, как «борода в серебре», «равнина в алмазах блестит» [Некрасов 1981], «мрамор для бедных» [Бродский 2017], «жалкий алюминий снега» [Павлович 2007] и «и Лебяжья лежит в хрусталях» [Ахматова 1977]. Этому способствует свет, отражающийся от снежного налета, создающий впечатление блеска драгоценных камней.

Ассоциацию по цвету вызывает метафора «в белом саване смерти земля» [Некрасов 1981]. Саван – это белое погребальное одеяние и белый снег, которые вкупе передают трагичную атмосферу и гнетущую тишину. Например, метафора «белый мертвец вставал у окна» [Павлович 2007] через белый цвет показывает холодное, безжизненное состояние как снега, так и умершего человека.

Помимо этого ассоциацию по звуку вызывают такие метафоры, как «окаянный хохот пурги», «басы бурана», «метели тенора» [Павлович 2007]. В метафоре «окаянный хохот пурги» используется прилагательное *окаянный* со значением «отверженный, проклятый», которое вместе с существительным *хохот* придает пурге образ старой, скверной старухи.

Метафора «басы бурана», используя существительное *бас*, соотносит буран с грохочущими, раскатистыми звуками, а метафора «метели тенора» при помощи существительного *тенор* придает образу метели соответствующий высокий, протяжный, завывающий звук.

Метафоры могут вызывать ассоциации с человеком, животными и птицами, через присущие им качества, действия. Так, например, метафора

«вьюга... веет волосами седых, серебряных старух» [Павлович 2007] основана на цветовом соотношении седых волос пожилой женщины и белого снега. Ассоциации с животными и птицами строятся: на сходстве по цвету шерсти или оперения: *«белый лебедь, из снега сотканный», «лебедь-вьюга»* [Павлович 2007]; через характерные движения: *«разыгралась тройка-вьюга», «вьюга поземкой змеилась прочь», «вьюга лошадью пляшет»* [Павлович 2007].

Возможно возникновение ассоциаций с отвлеченными понятиями такими, как время, жизнь и тому подобное. Например, метафора *«скользили мимо снежные часы, кружились на камнях и исчезали»* при помощи тающего снега показывает быстротечность времени. Непосредственную связь времени и жизни можно проследить в метафоре *«я метель – улетающая жизнь»*, где метель (быстрый снежный поток) указывает на мимолетность, эфемерность жизни.

Проанализировав данные метафоры, мы видим, что из общего числа отобранных метафорических единиц мотивированных языковых метафор насчитывается около двух процентов (девять единиц), синкретических восемь процентов (17 единиц), а ассоциативных – 90% (180 единиц). Метафорическая картина при привлечении более широкого материала была бы ярче, но уже можно отметить, что ассоциативные языковые метафоры занимают ведущую позицию в понимании языковых метафор.

При мотивационном анализе приведенных метафор помимо основного и вспомогательного субъектов были выделены: аспект сравнения, по которому определялось сходство субъектов метафоры, и третий компонент метафоры – общий признак субъектов сравнения. Результаты анализа представим в таблице 1.

Таблица 1 – Мотивационный анализ трех репрезентируемых образов

Репрезентируемый образ	Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание уподобления	Аспект сравнения
Русская зима	саван	снег	белый	цвет
	кружево	пурга	узорчатый	признак
	бархат	снег	махровый	признак
	шелк	снег	лосниться	признак
	серебро	снег	блестеть	свойство
	мрамор	снег	мерцать белый	свойство цвет
	алмаз	снежинка	блестеть	свойство
	алюминий	снег	серебристый	цвет
	шаль	снег	покрытие	форма
	рукав	вьюга	покрытие	форма
	плащ	снег	покрытие	форма
	сарафан	снег	белый	цвет
	муха	снежинка	роенье	действие
	моль	снег	поглощение	действие
	пчела	метель	роенье	действие
	стрекоза	снежинка	мерцать	свойство
	прах	снег	крупница	форма
	смерть	снег	покой	состояние
	пух	снег	легкий	признак
	пух	снег	колкий	ощущение
	пух	снег	мягкий	ощущение
	пух	снег	белый	цвет
	огонь	снежинка	свечение	признак
	огонь	метель	свечение	признак
	пожар	снег	свечение	признак
	море	снег	гладь	форма
	вода	вьюга	кипенье	свойство
океан	снег	необозримый	ощущение	
цепь	лед	сковывать	свойство	
Мир цветущих растений	черемуха	снег	осыпание белый	действие цвет
	листопад	метель	осыпание	действие
	одуванчик	снег	пушистый	признак
	роза	снег	белый	цвет
	лилия	снег	белый	цвет
Взаимоотношения между мужчиной и женщиной	скрипка	буря	звучание	звук
	улыбка	метелит	волнение	чувство

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод о том, что метафоры, выражающие образ русской зимы, строятся на общих свойствах соотносимых предметов. Например, метафоры «снег – одежда» и «снег – ткань» основаны на сходстве признаков и формы, а также на цветовом уподоблении. Метафоры «снег – металл/твердое вещество» строятся на способности металлов отражать световые лучи. Метафорический перенос «снег – насекомое» опирается на сходство действий, совершаемых сравниваемыми объектами, а перенос «снег – пух» исходит из общности тактильных ощущений. Метафоры, репрезентирующие образ цветущих растений, основаны на сходстве цветовой гаммы, внешних признаков и характерных действий растений и снега. Источником метафор, актуализирующих взаимоотношения между мужчиной и женщиной, выступают чувства (любовь, тоска и тому подобное), возникающие при восприятии предметов и явлений, послуживших источником ассоциативных уподоблений.

Таким образом, метафоры семантической сферы «Снег» способны репрезентировать не только материальный, но и чувственный мир. Изучение типологии метафорических переносов с компонентами семантической сферы «Снег» позволяет установить, какие предметы становятся объектом сравнения со снегом (предметы быта/изделия из ткани: *скатерть, простыня, одеяло, ковер, покрывало, покров, занавеска, пелена, циновка; растение: цветок, яблоня, черемуха, липа, роза, лилия, одуванчик, магнолия, ландыш, листва; ткань: саван, кружево, шелк, бархат* и другие).

К наиболее продуктивной группе метафор относятся ассоциативные метафоры. Данная группа, по сравнению с синкретическими и мотивированными метафорами, охватывает как материальный, так и нематериальный мир. Самыми распространенными объектами материального мира, участвующими в метафоризации, являются металлы и твердые вещества (*серебро, алмаз, жемчуг, мрамор, хрусталь и так далее*), одежда и украшения (*рукав, шаль, сарафан, ожерелье, серьги, платок, шарф, плащ, кофта, вуаль, фата, риза, мантия, рубашка*), насекомые (*муха, роенье,*

пчела, моль, стрекоза), а также такие стихии, как огонь и вода. Нематериальный мир выражается через экзистенциональное (*время, жизнь* и другие) и ментальное (*покой, сон, забвенье, небытие*). Возникающие ассоциативные отношения между любыми объектами действительности позволяют полно описать поэтическую картину мира.

2.3 Развитие мотивационных рядов метафор семантической сферы «Снег» в русской лирике XIX–XX веков

Рассматривая поэзию XIX–XX веков, можно отметить развитие мотивационных рядов, которое происходит за счет увеличения числа компонентов (опорных слов), участвующих в сопоставлении с понятием снег. Под мотивационным рядом понимается «ряд разнородных по значению переносных наименований, внутренние формы которых относятся к одной тематической сфере» [Москвин 2006: 113].

Охарактеризуем динамику развития таких мотивационных рядов, как «снег – ткань», «снег – предмет быта/изделия из ткани», «снег – одежда» и «снег – растение», в лирике XIX–XX веков.

В поэзии XIX века мотивационный ряд «снег – ткань» образуется при помощи соотнесения снега с такими опорными словами, как *ткань, погребальный покров, саван, кружево* («...Снег первый, наших нив о девственная ткань!» [Вяземский 2012]; «Через белый покров погребальный / Режет землю – и стонет она...», «В белом саване смерти земля» [Некрасов 1981]; «И белым кружевом по черни / Снег берега разрисовал» [Случевский 2004]).

Мотивационный ряд «снег – предмет быта/изделия из ткани» включает в себя компоненты: *скатерть, ковер, пелену, покров* («...И сегодня над широкой / Белой скатертью полей...» [Бунин 1987]; «И стужи ей ковры из белых волн прядут», «Зима серебристой пеленой / Одеда горы и луга»

[Павлович 2007]; «Зимы покров однообразный / Везде сменил наряд цветной» [Вяземский 2012]).

В мотивационном ряду «снег – одежда» в качестве опорных слов выступают: *риза, сарафан, мантия, плащ, фата, тулуп* («Лес разделся в тяжелую ризу» [Случевский 2004]; «Здравствуй, в белом сарафане» [Вяземский 2012]; «Пушистой мантией гордились, / Из легких сотканных снегов», «На страже черные граниты, / Плащами снежными покрыты», «И на него фатою брачной / Небрежно ляжет первый снег», «В снег оделися поля, / Облеклась в тулуп нагольный / Православная земля!» [Павлович 2007]).

Опорными словами в мотивационном ряду «снег – растение» являются такие слова, как *цветок, роза* («На миг растит зима цветок снежинки нежной» [Павлович 2007]; «...мороз / Вплетает звезды ледяные / В венки пушисто-снежных роз» [Вяземский 2012]).

В поэзии XX века заметно расширяется круг опорных слов. Так, в мотивационном ряду «снег – ткань» появляются *бахрома, полотно, атлас, бархат, парча, шелк, фетр, сукно, лен, миткаль* («На пушистых ветках / Снежную каймой / Распустились кисти / Белой бахромой», «Замела седая вьюга / Поле снежным полотном» [Есенин 1991]; «А в окна снежная волна / Атласом вьется над деревней», «...Чтоб кануть в бархате хрустящем...» [Белый 2018]; «В парчовом снегу идет божество», «Позади – горы, белый шелк снега», «Не лая, бегают овчарка / По фетровым снегам двора», «...Сукном сугробов снеговых», «Утренник лег на дорогу / Ровным сухим полотном», «А очи застит зимний лен», «И солнце багровою розой / Скатилось на снежный миткаль» [Павлович 2007]).

В мотивационный ряд «снег – предмет быта/изделия из ткани» добавляются *покрывало, простыня, занавеска, одеяло, циновка* («На снежно-синем покрывале / Читаю твой условный знак» [Блок 1964]; «Порошица серебряная, покрутись простыней завиваемой, – стлалась» [Белый 2018]; «За снежной густой занавеской / Какой-то сторожки стена», «Валились зимы

кучей, шли дожди, / Запахивались вьюги одеялом...» [Пастернак 2017]; «Между небом и землей – воздушною циновкою ... Снег» [Павлович 2007]).

Если рассматривать мотивационный ряд «снег – одежда», то можно заметить появление новых компонентов: *шаль, рукав, платок, шарф, кофта, рубашка, вуаль* («Валит снег и стелет шаль...», «...Замело дорогу вьюжным рукавом» [Есенин 1991]; «Меня закрывает от старых нападков / Пуховый платок твоего снегопада», «На обмотанных снежными шарфами горлах гор», «Белыми кофтами завертела пурга», «Меж лохмотьев рубашки своей снеговой» [Павлович 2007]; «Скорбные дали, – / Вуали / Зимы» [Белый 2018]).

Мотивационный ряд «снег – растение» расширился благодаря появлению новых опорных слов. Так, в XX веке в него вошли *лилия, ландыш, одуванчик, магнолия, липа, черемуха, яблоня, листва* («Разметались по воздуху лилии» [Белый 2018]; «Ландыши небесные, вы всегда бесстебельны, / Безуханно юные искорки луны...», « В окнах сквозили снега – одуванчики», «Я перепутал все миры / И сад серебряных магнолий / В метелях севера открыл» [Павлович 2007]; «...Кажется мне – осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду», «...Сыплет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе», «Даже яблонь весеннюю вьюгу / Я за бедность полей разлюбил», «...Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело» [Есенин 1991]).

Некоторые опорные слова, имеющие связь с традициями, носят устойчивый характер и не имеют временных ограничений. Например, такие ткани, как *кружево, саван* встречаются на протяжении XIX–XX веков («И белым кружевом по черни / Снег берега разрисовал» [Случевский 2004] и «Кружево снега несется над спальней» [Павлович 2007], «В белом саване смерти земля» [Некрасов 1987] и «Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона» [Есенин 1991]).

Предметы быта/изделия из ткани также имеют связь с традициями, поэтому для обоих веков характерно наличие опорных слов в виде *пелены, скатерти, ковра* («Зима серебристой пеленой / Одеда горы и луга»

[Павлович 2007] и «Прозрачная ложится *пелена* / На свежий дерн и незаметно тает» [Ахматова 1977], «...И сегодня над широкой / Белой *скатертью* полей...» [Бунин 1987] и «Укрой меня плащом седым, / Приемли, *скатерть* ледяная» [Белый 2018], «И стужи ей *ковры* из белых волн прядут» [Павлович 2007] и «А по двору метелица / *Ковром* шелковым стелется» [Есенин 1991]).

Среди наименований одежды сохранились *риза*, *плащ*, *фата* («Лес разodelся в тяжелую *ризу*» [Случевский 2004] и «Один и тот же снег – белей / Нетронутой и вечной *ризы*» [Блок 1964], «На страже черные граниты, / *Плащами* снежными покрыты» [Павлович 2007] и «Укрой меня *плащом* седым» [Белый 2018], «И на него *фатою* брачной / Небрежно ляжет первый снег» и «Словно сглаженные складки / Ненадеванной *фаты*» [Павлович 2007]).

Обозначения растений, встречающиеся в поэзии XIX века, сохранились в поэзии XX века («...мороз / Вплетает звезды ледяные / В венки пушисто-снежных *роз*» [Вяземский 2012] и «А в ответ из воздуха, из мрака / Полетели сонмы белых *роз*...» [Поплавский 1999], «На миг растит зима *цветок* снежинки нежной» [Павлович 2007] и «Нанеси в кровать ей / Снежные *цветы*» [Блок 1964]).

В ходе рассмотрения мотивационных рядов русской лирики XIX–XX веков можно отметить, что наряду с развитием родовидовых отношений внутри определенных образных рядов происходит расширение круга опорных слов на основе семантической смежности, принадлежности к близким классам слов. Также наблюдается сохранение и утрата некоторых опорных слов из поэзии XX века. Среди вышедших из использования компонентов находятся предметы одежды (*мантия*, *тулуп*).

Развитие мотивационных рядов обеспечивает появление новых компонентов, участвующих в метафоризации, что, в свою очередь, позволяет расширить семантическую сферу.

Выводы по второй главе

1. Снег – один из значимых компонентов русской поэтической картины мира. Он является незаменимой частью зимнего периода, который привлекает многих поэтов своими разнообразными проявлениями. Авторское восприятие этого времени года отражается в поэтических текстах при помощи таких средств художественной выразительности, как эпитеты, сравнения, метафоры и другие.

2. В русской поэзии наблюдается множество метафор, основанных на метафорических переносах, предполагающих сопоставление снега с различными компонентами материального и нематериального миров. Скопление подобных метафорических переносов способно не только охватить все семантическое пространство, но и связать разные метафорические сферы.

3. В русской поэзии сложились три основных поэтических образа, репрезентируемых с помощью метафор семантической сферы «Снег»: русская зима, мир цветущих растений, взаимоотношения между мужчиной и женщиной. По характеру ассоциаций, лежащих в основе метафорических переносов, чаще всего используются ассоциативные метафоры. Широкий круг ассоциаций не только охватывает всю семантическую сферу с компонентом «Снег», но и в полной мере характеризует метафоричность языка.

5. Расширение семантической сферы «Снег» происходит за счет увеличения количества метафор на основе родовидовых отношений внутри определенных образных рядов; семантической смежности опорных слов метафор. Увеличение ряда переносных наименований, относящихся к одной тематической сфере, позволяет наблюдать на примере поэтических текстов любые изменения в поэтической образности в русской лирике XIX–XX веков.

Заключение

Анализ словаря поэтических образов и поэтических текстов показал, что семантическая сфера «Снег» в русской поэзии включает 206 метафорических номинаций. Состав данной сферы представлен следующими компонентами, выделяемыми в структуре метафор в качестве источников ассоциаций и объекта образной номинации: *буран, вьюга, вьюжный, ледяной, льдистый, метель, метелит, метельный, наст, пороша, пурга, пурговый, снег, снеговой, снегопад, снежинка, снежный, сугроб, сугробный.*

Представленные компоненты образуют денотативный круг семантической сферы «Снег», а образуемые на их основе пучки метафор – метафорический круг данной сферы. Например, от исходного значения существительного *снег* образуются метафоры: «*в окнах сквозили снега – одуванчики*», «*снег встал потоком*», «*снег, этот мрамор для бедных*», «*в снегах забвенья*» и тому подобное.

За основу классификации метафор с семантикой снега принимались типы регулярных и нерегулярных метафорических переносов, что позволило нам выделить 27 тематических групп метафор. Из них к регулярно встречающимся метафорическим переносам относятся:

1) ткань → снег («А очи застит зимний лен» [Павлович 2007], «...Снег первый, наших нив о девственная ткань!» [Вяземский 2012]);

2) металл/твердое вещество → снег («То-то же снег, этот мрамор для бедных...» [Бродский 2017]);

3) одежда/украшение → снег («Укрой меня плащом седым» [Белый 2018], «Лес разделся в тяжелую ризу» [Случевский 2004]);

4) насекомое → снег («...И ловит кошка рыжая / веселых белых мух...» [Некрасов 1981]);

5) прах → снег («...И внезапным согретым лучом / Снежный прах так тепло серебрится...» [Ахматова 1977]);

- 6) пух → снег («Колкий, пронзающий / Пух» [Есенин 1991]);
- 7) предмет быта/изделия из ткани → снег («На снежно-синем покрывале / Читаю твой условный знак» [Блок 1964]).
- К нерегулярно встречающимся метафорическим переносам относятся:
- 8) огонь → снег («Под окнами / Костер метели белой» [Павлович 2007]);
- 9) вода → снег («Закурился снежный океан» [Черный 2018]).
- 10) растение → снег («Разметались по воздуху лилии» [Белый 2018]);
- 11) человек → снег («Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга...» [Павлович 2007]);
- 12) животное → снег («Над крышею пурговый конь...» [Павлович 2007]);
- 13) птица → снег («Ты лети, белый лебедь, из снега сотканный...» [Павлович 2007]);
- 14) еда/напитки → снег («...день – золотая капель; снег – халва, разрезаемый саночками» [Павлович 2007]);
- 15) плоды → снег («И яблоком хрустит саней морозный звук» [Павлович 2007]);
- 16) части и органы человека → снег («Застряв в бурана бледных челюстях...», «Грива метельная в окна холодные просится» [Павлович 2007]);
- 17) пряжа → снег («...замело/ Длиннорогие ветви сырой грубошерстной пряжей» [Павлович 2007]);
- 18) мех → снег («У метели шуба с шумом, / С белой проседью» [Павлович 2007]);
- 19) головной убор → снег («...огромные снежные шапки на избах», [Павлович 2007]);
- 20) ментальное → снег («Чтоб не нарушить снежный сон» [Блок 1964]; «И нет моей завидней доли – / В снегах забвенья догореть» [Павлович 2007]);

21) орудие → снег («...а копье ледяное стучало по окнам», «Стегает злая вьюга / Расщелканным кнутом» [Павлович 2007]);

22) звук → снег («Завели басы бурана / И метели тенора. / От симфоний этих снежных...» [Павлович 2007]);

23) свет → снег («Пух белых молний взметнула вьюга» [Павлович 2007]);

24) экзистенциальное → снег («Метель запевала: «Я метель – улетающая жизнь»...» [Павлович 2007]);

25) божество, мифическое существо → снег («...то стаи далеких ангелов испуганным отрядом с уступов тучи слетали в загоревшейся ясной заре» [Павлович 2007]).

Среди не зафиксированных в словарях поэтической образности групп метафор нами выявлены:

26) любовное чувство → снег («...Забытый сон о поцелуях, / О снежных вьюгах вокруг тебя...» [Блок 1964]);

27) тюрьма/заточение → снег («...Цепями льдистыми покорный пруд окован...» [Вяземский 2012]).

Представленная типология метафор позволяет установить, какие предметы становятся объектом сравнения со снегом (предметы быта/изделия из ткани: *скатерть, простыня, одеяло, ковер, покрывало*; стихии: *огонь, вода, море, океан, потоп*; одежда/украшение: *рукав, шаль, сарафан, ожерелье, серьги, платок, шарф, плащ, мантия, тулуп, рубашка*; насекомые: *муха, роенье, пчела, моль, стрекоза*; металлы и твердые вещества: *серебро, алмаз, жемчуг, мрамор, хрусталь, алюминий, мышьяк* и другие).

Проанализировав метафоры с точки зрения их семантики, можно заключить, что ведущую роль при описании поэтической картины мира занимают ассоциативные метафоры. Так, мотивированных языковых метафор насчитывается около двух процентов (девять единиц), синкретических восемь процентов (17 единиц), а ассоциативных 90% (180 единиц). Например, метафора «*и горят снежинки в золотом огне*»

позволяет выстроить более обширный ассоциативный ряд. Так, снежинки, отражающие солнце, могут выступать в качестве ювелирных украшений или же быть отблеском «золотого огня». Такие свойства снега, как блеск и мерцание, становятся основой и для уподобления различным металлам.

К особенностям функционирования анализируемых метафор следует отнести изменения в мотивационных рядах «снег – ткань», «снег – предмет быта/изделия из ткани», «снег – одежда» и «снег – растение»: развитие родовидовых отношений внутри определенных образных рядов и, следовательно, увеличение круга ассоциаций, происходящее на основе семантической смежности и близости классов. Подобные изменения способствуют появлению новых компонентов, которые, участвуя в метафоризации, расширяют семантическую сферу.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Метафора снега является одним из ключевых компонентов русской поэтической картины мира, с помощью которого репрезентируются три основных поэтических образа: русская зима, мир цветущих растений и взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

2. Образ русской зимы, актуализированный метафорами снег → ткань; снег → металл/твердое вещество; снег → одежда/украшение; снег → насекомое; снег → огонь; снег → пух; снег → прах/смерть; снег → тюрьма/заточение; снег → вода, наделен противоположными признаками: с одной стороны, это грациозная зимняя пора, милосердная и благодушная к спящей природе, с другой – холодная зима, одинокая и беспощадная.

3. Метафоры тематической группы «снег → растение», репрезентирующие образ цветущих растений, основаны на сходстве цветовой гаммы, внешних признаков и характерных действий растений и снега. Источником метафор, актуализирующих взаимоотношения между мужчиной и женщиной, выступают чувства (любовь, тоска и тому подобное), возникающие при восприятии предметов и явлений, послуживших источником ассоциативных уподоблений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. 433 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс: Теория метафоры. М. : Русский язык, 1990. 358 с.
3. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 147–173.
4. Ахматова А. А. Стихотворения / сост. и вступ. ст. Н. Банникова. М. : Советская Россия, 1977. 528 с.
5. Балли Ш. Французская стилистика. М. : Издательство иностранной литературы, 1961. 369 с.
6. Белый А. Симфония № 4 Кубок метелей / под ред. Е. А. Алехина. М. : Т8, 2018. 204 с.
7. Боровкова А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.
8. Блок А. А. Лирика / сост. и предисл. В. Орлова. М. : Художественная литература, 1964. 242 с.
9. Блэк М. Метафора / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172.
10. Бродский И. А. Урания. Стихотворения. М. : ИГ Ленинздат, 2017. 224 с.
11. Брусенская Л. А., Гаврилова Г. Ф., Малычева Н. В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 256 с.
12. Брюсов В. Я. Стихотворения / сост., вступит. ст., примеч. Н. Банникова. М. : Молодая гвардия, 1989. 190 с.
13. Будаев Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 16–32.

14. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1987. 688 с.
15. Вяземский П. А. Стихотворения. Книга первая. М. : Директ-Медиа, 2012. 332 с.
16. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. IV : Р–Я. М. : Славянский Дом Книги, 2010. 832 с.
18. Державин Г. Р. Стихотворения. В 2-х кн. Кн. 1. М. : Директ-Медиа, 2016. 365 с.
19. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 189–190.
20. Есенин С. А. Сочинения / сост., вступ. статья и коммент. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1991. 704 с.
21. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. 1209 с.
22. Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (Бывает ли язык без метафор?) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С.78–99.
23. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
24. Зубкова О. С. Метафора в философской парадигме. Курск : КГУ, 2010. 60 с.
25. Зубкова О. С. Метафора как семиотическая система // Вестник Вятского государственного университета. 2010. С. 23–26.
26. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Вестник МГУ : Филология. 2002. № 6. С. 132–149.
27. Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова ; под общ. ред. З. Ю. Петровой. М. : Знак, 2009. С. 560–565.

28. Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. М. : Советская энциклопедия, 1962. С. 23, 92.
29. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / под ред. И. А. Богданова, Л. А. Карпова. СПб. : НОРИНТ, 2000. 1536 с.
30. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
31. Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Т. 2. Тарту : 1965. С. 293–299.
32. Лунин В. Музыка: стихи. М. : Детская литература, 1991. 48 с.
33. Львов М. Р. Риторика // Культура речи. М. : Академия, 2004. 272 с.
34. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 358–386.
35. Масленникова А. А. Особенности грамматической метафоры / под ред. А. И. Варшавской, А. А. Масленниковой. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 21–44.
36. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. М. : ЛЕНАНД, 2006. 374 с.
37. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М. : ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
38. Нгапут Ж. А. Метафора в языковой картине мира // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 180–183.
39. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 2 : Стихотворения. 1855–1866. СПб. : Наука, 1981. 448 с.
40. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 219.
41. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2006. 944 с.
42. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М. : Россельхозакадемия, 1995. 491 с.
43. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. М. : Эдиториал УРСС, 2007. 848 с.

44. Пауль Г. Принципы истории языка / под ред. А. А. Холодовича. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.
45. Петров В. В. Метафора: От семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 67–80.
46. Пастернак Б. Л. Стихотворения / сост. и предисл. Н. Банникова. М. : Молодая гвардия, 1990. 222 с.
47. Пастернак Б. Л. Быть знаменитым некрасиво. М. : АСТ, 2017. 256 с.
48. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Академия наук СССР, 1959. С. 82.
49. Поплавский Б.Ю. Сочинения. СПб. : Летний Сад, 1999. 448 с.
50. Риторика М.В Ломоносова : проект словаря / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб. : Геликон Плюс, 2013. 132 с.
51. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка : учебник для вузов. М. : Высшая школа, 1977. 316 с.
52. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. М. : 1985. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php (дата обращения: 08.05.2020).
53. Садриева Г. А. Образная парадигма с левым компонентом «Глаза» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2007. № 3. С. 145–150.
54. Самойлов Д. С. Избранное: Стихотворения и поэмы / вступит. статья С. Чуприна. М. : Художественная литература, 1980. 448 с.
55. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 152 с.
56. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / под ред. А. С. Кушнер. СПб. : Академический проект, 2004. 816 с.
57. Тютчев Ф. И. Стихотворения / сост., статья и примеч. В. В. Кожина. М. : Сов. Россия, 1976. 334 с.

58. Устуньер И. Ж. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2004. 25 с.

59. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / под ред. О. А. Щегловой. М. : Славянский Дом Книги, 2017. 960 с.

60. Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. 45 с.

61. Харченко В. К. Функции метафоры. М. : ЛКИ, 2007. 96 с.

62. Цветков А. В. Все это или это все: собрание стихотворений: В 2-х т. Т. 2 / под ред. Е. Сунцовой. New York : Ailuros Publishing, 2015. 536 с.

63. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры: Монография. Екатеринбург : УГПУ, 2001. 238 с.

64. Черный С. Стихотворения. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

65. Шаламов В. Сборник: Точка кипения. М. : Советский писатель, 1977. 144 с.

66. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с.